

Никогда не предавай мечту

Автор:

[Ева Ночь](#)

Никогда не предавай мечту

Ева Ночь

Он неистовый и пылкий. Умеющий любить и жить на полную катушку. Она – Снежная королева, холодная и отстранённая, не знающая сильных чувств и любви. У каждого из них свои потери и трагедии. И есть только одно, что их объединяет – сумасшедшая, всепоглощающая страсть к танцам. Смогут ли они быть вместе, связанные этим чувством? Достаточно ли его, чтобы покорить мир и... друг друга?

Содержит нецензурную брань.

Ева Ночь

Никогда не предавай мечту

Глава 1

Макс

Макс Гордеев пил третий день. Не то, чтобы запойно или до беспамьятства. Скорее, с толком, с чувством, с расстановкой. С мятными акцентами. Апельсиновыми нотами. Лимонными оттенками. А ещё немного Бахово и Бетховеново, а когда душа просила изящества – Моцартово.

Есть в этом какой-то незабываемый кайф – мешать водку с музыкой. Причём с классической. В камерном исполнении, когда плачут скрипки, вздыхают тромбоны, поскуливают кларнеты. А кто-то там кашляет на заднем фоне. Обязательно кашляет, искажая восприятие прекрасного и подчёркивая несовершенство мира своим задушенным «кха-кха».

Макс шагал по цветам радуги и уже доходил до ступеньки, когда всё фиолетово. Ни плохо и ни хорошо. Никак.

Стены комнаты ещё не наезжали, но уже покачивались. Хотелось чего-то тоскливого или наоборот – жёстко-рокового, но он держался из последних сил, балансируя на грани, чтобы не осквернить классику воем электрогитары.

Она появилась под музыку Глюка. Соткалась из пылинок солнечного луча и плача флейты. Бледная, как привидение, и такая же страшная. Но Макс не дрогнул. Не родились ещё в аду те черти, что смогли бы его напугать.

– Какая неожиданная встреча, – проговорил он непослушными губами и мрачно ухмыльнулся. Интересно, если закрыть глаза, она исчезнет?

Привидение молчало. Пялилось на него не мигая. Нескладная фигура в свитере не по размеру. Из растянутых рукавов видны лишь тонкие пальцы, а где-то там, гораздо ниже, кажется, есть ноги.

– Выпьем за наше случайное знакомство, – не сдавался Макс. – Выпьем, или проваливай! Здесь и без тебя хватает молчания. И вообще, откуда ты взялась?

– У тебя дверь открыта.

О, заговорила. А он думал, что допился.

– И это повод, чтобы вваливаться ко мне без стука?

– Я стучала.

– А я не слышал.

Макс не сводил с неё глаз. Давил взглядом, как букашку. Рвал на части, как тигр – кусок мяса. Раскладывал на атомы. Развеивал, как пыль.

– Чем, собственно, обязан? – можно не стараться выговаривать все звуки. Сложно и бесполезно. И по хрен, если она его не поймёт.

– Наверное, сейчас не самое лучшее время.

У неё глазищи, как две чёрные космические дыры. Засасывают. От этого нехорошо кружится голова и подташнивает. А может, пора заканчивать пить.

– Время никогда не бывает лучшим. Оно либо есть, либо его нет. Выпьем? – он покачал полупустой бутылкой и поискал взглядом стакан. Тщетно. Он пил один и даже ради прикола не ставил посуду для виртуального друга.

– Выпьем, – неожиданно согласилось чучело с коллапсирующими звёздами вместо глаз. Ловко выхватила бутылку. Сжала её тонкими длинными пальцами, покачала из стороны в сторону, словно раздумывая, как осуществить совместное распитие. А затем молча направилась из комнаты вон. Видимо, искать чашку.

Макс поковылял за ней вслед. Зря он это сделал. Нога, как назло, подвела, и он чуть не растянулся у этой мымры на глазах. Успел ухватиться за дверной косяк. Лицо вспыхнуло, как красный сигнал светофора. Он бы сейчас лучше сквозь землю провалился, чем вот так, под её немигающим взглядом.

– Что ты делаешь?.. Ах, ты, зараза!

Пока он терзался стыдом, эта крыса выливали в раковину остатки водки. Последняя бутылка, между прочим.

– Тебе уже хватит, – вытряхнула капли, завинтила аккуратно крышку и выкинула стеклотару в ведро. Деловито, нагло, со святым упрямством на узком лице.

– Я сам решаю, хватит или не хватит! – если бы не нога, он бы схватил её за шкурку, за тот самый растянутый до безобразия свитер крупной вязки, и выволок из квартиры, как нашкодившего котёнка. Ещё б и пинка дал. – Вали давай! Вон! – прорычал он в ярости и неловко упал на табурет. Хорошо, что тот

стоял рядом с дверьми. Здесь теперь всё рядом. Под рукой. Чтобы удобно. Тошнит. От всех и вся.

Она замерла возле раковины, сложив руки на животе. Словно прикрывалась. Будто ожидала, что он ударит. На лице – непроницаемая штора. Никаких эмоций. Безмятежный идиотизм чокнутой сектантки. Вероятно, она одна из этих, что бродят улицами, пристают к людям и рассказывают о конце света. И как-то всё встало на свои места. Ну, не драться же ему с этой блаженной? Не настолько же он низко пал?

– Поиграла в спасение моей души? Можешь считать, что миссию выполнила. И тебе зачтётся. А теперь проваливай.

Она мотнула головой. Так отчаянно, что светлые волосы взметнулись веером и опали на хрупкие плечи.

– Ты прав. Всегда будет не время. Чем это хуже других? Во второй раз я могу не прийти.

– Сделай одолжение, – съязвил Макс. – Во второй раз двери будут закрыты, а я вряд ли тебе открою.

– Тем более.

– Тебя как зовут? – зачем ему имя этой чокнутой?

– Эсмеральда, – немного с вызовом, в ожидании насмешек.

– Да ладно? – не удержался Макс. Ну, как тут не съязвить? – По ходу, твои родители – большие оригиналы. Они вообще чем думали, когда давали тебе имя?

– Папа – поклонник Гюго, – она забавно складывала губы трубочкой, когда выговаривала фамилию.

– Рок-музыкант? Футболист? Гонщик? – Макс не давал ей раскрыть рот. – Неа, не слышал о таком. Г'го. Язык сломать можно.

– Друзья зовут меня Эс. Эми, – она явно подсказывала ему. Сердобольная какая.

– Фу. Звучит избито и пошловато. Нафталиново и на чужой манер. Я буду звать тебя Альда. Не спорь. Я лучше знаю. Альда, – пощёлкал он языком, словно пробуя имя на вкус. – Да, однозначно! – затем вперил в неё тяжёлый взгляд исподлобья. – Ну, и чем обязан? Пить ты не хочешь. Богу молиться тоже. Ведь не хочешь, нет?

Девушка отрицательно качнула головой.

– Тогда чего хочешь?

Она помедлила, словно перед выходом на сцену. Он знал эту серию вздохов-выдохов, поджатый к хребту живот и ноги в первой позиции.

– Я хочу, чтобы ты танцевал со мной.

На секунду Макс показалось, что он оглох. Затем – что биение собственного сердца разорвало барабанные перепонки. А потом снова мелькнула мысль, что он допился до галлюцинаций. Нет, ну правда. Эта ненормальная явилась под музыку Глюка. Имя у неё неестественное. А уж то, что ему померещилось – так вообще из области фантастики.

Альда стояла не шевелясь. Напряжённая тонкая фигура. Длинная шея держит изящную голову. Светлые волосы мягкими пушистыми волнами падают на плечи. Она даже не смотрела на него. Тупила глаза в грязный пол, как скромная девственница из восемнадцатого века.

– Что, прости, ты сказала? – медленно, растягивая каждое слово, произнёс Макс.

Она вскинула голову. Бездонные тёмные глаза бесстрашно заглянули ему в душу, от которой – только лопнувший сдутый шарик. Синяя тряпочка на верёвочке. И тем безжалостнее в кромешной тишине отражаются от стен её слова:

– Я хочу танцевать с тобой, Макс.

Глава 2

Макс

- Если ты так шутишь, то шутка не удалась. Я не тот, кто смеётся над собой.

- Это не шутка, - Альда снова качает головой.

- Издеваешься? - вот чёрт. Водка на ветер. С Макса даже хмель слетел.

- Нет.

- Ну, тогда я напомню, если ты такая невнимательная или тупая, - он задирает штанину на левой ноге. Он бы даже ею покачал, если бы мог. - У меня нет ноги.

- Я не тупая и не слепая, - возражает Альда так тускло, что Макс тут же сомневается в её умственных способностях.

- Тогда проваливай и не трави душу.

- Нет.

Если бы она стояла ближе, он бы смог добраться до её шеи. А так... Ну, разве что в прыжке дотянуться. Но Макс сейчас сомневался, что способен на такой подвиг. Костылём её подцепить, что ли?..

Он откидывает голову. Касается затылком стены. Это даёт ему ощущение твёрдости. Да и мир не так плывёт перед воспалёнными глазами. Откуда она взялась, эта идиотка настырная?

- Ты не знаешь, что значит жить без ноги. Ты не знаешь, каково это - чувствовать себя беспомощным в сильном и здоровом теле. Ты не знаешь, как это - забыть о движении, об игре мышц, прыжках и поворотах. Я не помню, как пружинит земля под ногами. Но она, - Макс яростно хлопает себя по колену, - она помнит. Болит. Хочет достать туда, куда ей никогда не дотянуться.

Зачем он ей всё это рассказывает? Мерзко. Словно давит на жалость. Он умолкает, пытается удержать судорожный вздох и ловит движение. Пытается сфокусировать взгляд и мотает головой, не веря глазам. Нет, она точно чокнутая. Больная на голову.

Альда спускает вниз гетры. Полосатые. Жёлто-чёрные. С котиками и бантиками по чёрному полю. Затем она задирает свитер и молча начинает стягивать с себя лосины.

Это что, акт милосердия?.. Он настолько жалок, что она решила его пожалеть таким образом?..

– Спасибо за стриптиз, – делает он три громких хлопка. – Но это уже лишнее.

Девчонка не останавливается. Точно сумасшедшая. Цирк подзатянулся, и Макс до ужаса хочется её выпереть поскорее и выпить ещё.

– Хватит! Прекрати! – он зол не на шутку, но Альда уже спустила штанишки и стоит перед ним, как ребёнок: лосины внизу, пальцами она аккуратно придерживает длинный свитер. Задрала его почти до трусиков. Но Макс туда не смотрит. Взгляд его прикован к уродливому шраму – сине-красному, что опоясывает правое колено, как змея.

Макс слышит, как капает вода. Противно, мерно, очень громко. Тикают часы на стене. А его будто привязали к сине-красной змее. Словно она ужалила его и парализовала. Всё плывёт перед глазами. По виску течёт капля пота.

– Я балерина, – Альда говорит так, будто находится под водой. Медленно, плавно, без эмоций. Ровный голос, неподвижное лицо. Только губы шевелятся, как створки раковины. – Как видишь, бывшая. Я больше ничего не умею. Да и не хочу. Ты поможешь мне. Я помогу тебе. Поэтому скажу ещё раз. Я хочу танцевать с тобой, Макс. Хочу, чтобы ты танцевал со мной. Даже не для того, чтобы кому-то что-то доказать. Хотя и это тоже. А... чтобы жить и дышать. По-настоящему.

Она разжимает пальцы. И растянутый свитер падает вниз. Прикрывает колени. Наклонившись, Альда поднимает лосины. Подтягивает их повыше под свитером.

Не спеша поправляет гетры – смешные полосатые гольфы с ярко-жёлтыми котятками и бантиками на чёрном фоне. А затем идёт к двери. В проёме останавливается и оборачивается.

– Ты подумай, – прожигает карими глазищами, – а я приду ещё. Дня через два.

Максу не хватило духу ни окликнуть её, ни остановить. Он так и сидел на табурете, с ненавистью поглядывая на костыли. Чёртова дура. Такой день испортила. Нарушила его личные границы. Тщательно лелеемое забытье. Не дала дослушать музыку. И вообще.

Он добрался до комнаты. Рухнул в компьютерное кресло на колёсиках. Крутнулся пару раз. Но в голове и так шумело и вертелось, как в балагане. Порывшись в плей-листе, врубил Моцарта. Погромче. Ту самую часть из «Реквиема», что стонала и оплакивала. Тянула, зажав в кулаке, нити души. И тот самый синий сдувшийся шарик поволокла за собой, как на аркане.

На столе – недопитый стакан с водкой. Макс зажимает его в руке. Смотрит, как плещется на дне прозрачная жидкость, а затем с силой запускает его в стену. Звякают осколки, вплетаясь в хор, что выводит зауспокойную песнь.

Макс выключает музыку. Закидывает руки за голову. Пялится в потолок. Сидеть в тишине больно. Быть одному – невозможно.

– Приезжай, пожалуйста, – просит он сестру, как только та берёт трубку. – Я тут... в общем, приезжай, Лизхен.

Только ей он доверяет и может позвать. Только она не будет смотреть на него с жалостью, причитать, пугаться, записывать к психологу или психиатру. Мать совершенно не годится для специфических поручений. А младшая сестра – вполне.

Пока она добирается, лучше привести себя в порядок. И музыку повеселее. Конец классике. Привет, рок.

Макс опускает голову под холодную воду. Правда, отрезвлять уже почти нечего, разве что воспалённым глазам хорошо. Он всегда пьянел медленно, трезвел

быстро и никогда не упивался до невменяемости. Всегда умел изъясняться почти чётко и здраво. Разве что замедленная речь его выдавала.

Сестра тоже влетает без стука. Он так и не закрыл дверь после блаженной Альды.

– Ну? И что тут у нас на этот раз?

Она чутко водит носом, морщится, сразу же идёт открывать окна. Распахивает настежь. Холодный воздух тут же врывается в квартиру, надувает парусом тюль.

Лиза без просьб хватается за веник, убирает осколки, с сожалением оглядывает пятно на обоях. В её движениях нет суетливости и ни одного лишнего жеста. Убирает, пылесосит, моет посуду и пол, собирает в пакеты бутылки и мусор. Чётко, как робот. А затем садится в кресло, раскачивается из стороны в сторону, пристально изучая его лицо. От этого взгляда неуютно.

– Узнаю, кто тебе водку приволок – вырву печень и сердце. А лучше – ноги, чтобы больше не смел потакать тебе.

Зная Лизу, можно и не сомневаться. Ей всего двадцать, но хватка, как у бульдога. Или питбуля. И жалости от неё не дожидаться.

– Спасибо, – Макс больше нечего сказать. Стыд душит. Но без её помощи ему не обойтись.

– Пожалуйста, – слишком вежливо. Видимо, перед взбучкой. – Ну, и долго ты собираешься киснуть? Жалеть себя? Потакать своему скотству? И почему, спрашивается, ты без протеза? Опять на этих костылях прыгаешь.

Сестра напоминает ему вредную собачонку, что кидается грудью на слона, как моська.

– Не могу с этим протезом, – упрямо сжимает губы Макс. – не чувствую ногу, теряю ориентацию.

– Да что ты говоришь! – всплескивает руками противная Лизка. – Ориентацию, говоришь, теряешь? Именно с протезом? А без протеза, значит, мачо, как и был? Точно?

– Я не шучу, – злится Макс. – Это... отвратительно. Но я как будто теряюсь в пространстве. Не нахожу точек соприкосновения с землёй. Так дети, наверное, начинают ходить – их штормит и шатает. Поэтому они падают.

– Дети учатся ходить. Шаг за шагом, Макс. Падают и встают. Снова и снова, пока не начинают топтать. То же самое нужно делать и тебе. И однажды всё получится. Знаешь, в чём отличие? Дети не боятся. А ты – да. Их ведёт вперёд любопытство. А тебя тормозит страх.

Лиза заправляет за ухо прямую тёмную прядь, облизывает губы и складывает руки на груди.

– Я сейчас скажу крамольную вещь, брат. И даже не боюсь быть удушенной или побитой. Пока ты не перестанешь себя жалеть и отстраняться от всего мира, у тебя ничего не получится. Ты даже не понимаешь, какой счастливчик. Ты потерял лишь часть ноги. До колена. И вполне можешь быть нормальным – прыгать, бегать, жить полноценной жизнью.

– Ещё скажи – танцевать, – кривит он язвительно губы и почему-то перед глазами у него – Альда. Чучело без груди и в растянутом свитере. С красно-синим шрамом возле колена.

– Да! И танцевать! – горячо хватается за опасную мысль сестра. – Всё, что угодно! На руках ходить. Пить кофе в кофейне напротив. Целовать девушку и бродить по лужам в дождь, без зонта. Помнишь, как раньше?..

– Как раньше уже никогда не будет, – во рту становится горько. Привкус степной полыни и сухого ветра.

– Ну и по фиг, – Лиза зло сверкает глазами. – Будет ещё лучше. Только в это надо верить и меняться. Не оглядываться. Не вернётся уже ничего, ясно? И нога не отрастёт. И ты либо живёшь с этим, либо катишься вниз.

До него пока не доходили её правильные слова. Не трогали. Проходили мимо, как товарный поезд, у которого нет остановки, а есть какая-то далёкая станция прибытия. Но в груди засел жуткий дискомфорт. Ворочался и цеплял внутренности. Корёжил орган, который называют сердцем. Альда. Чёртова ведьма. С глазами-пропастями и козырем из рукава. Сине-красной змеёй, что ужалила его и смотрела, как он корчится в муках, пытаюсь переварить смертельный яд.

– Ладно, – Макс хлопает себя по коленям. – Я тебя услышал. Мне надо подумать, с чего начинать.

– С улыбки, – у его несносной сестры всегда есть ответ. – Начни с улыбки, Макс.

Глава 3

Альда

Он двигался как бог девяносто восьмого левела. Пластично, размеренно, с затаённой страстью. Под загорелой кожей бугрились мышцы, ягодицы сжимались ритмично. Аххх... оххх...Да-а-а-а...

Но это не секс, нет. Всего лишь танец. Хотя и в сексе он также хорош. Как перепетуум мобиле. Как отбойный молоток. Вдалбливался, проникал, вжимался. Дышал, группировался, красовался. Делал технически великолепные позы – недоступные простым смертным ухажёрам с неразвитой мускулатурой.

Он двигался как бог девяносто восьмого левела – не дотягивал совсем немного до сотого. Был хорош во всём и, наверное, для многих. Эс ничего не чувствовала с ним ни в танце, ни в сексе. Но если в первом случае она была жестока и придирчива, не умела притворяться и лгать, то во втором – знала – он не виноват.

Это она неправильная. С изъяном. Фригидная. И, как бы он ни старался, она могла только артистично стонать и сжимать стенки влагалища, имитируя оргазм.

Эс ненавидела ложь. Умирала внутри, когда приходилось говорить хоть слово неправды, но в сексе ей приходилось скрывать маленькую тайну большой ущербности. Кажется, успешно.

Ник ничего не замечал. Впрочем, его мало интересовали чьи-либо эмоции или страдания, душевные метания или тревога. Он в окружающем мире и в людях любил только себя. Единственного и неповторимого. Великолепного и сияющего.

При этом он не хвастался и не бахвалился. Скромный. Вежливый. Бесконечно внимательный. Но Альда научилась со временем читать его. Узнавать по почти неуловимым приметам, когда он притворялся. Делал вид. Играл мышцами лица, изображая то участие, то сожаление, то скорбь. Иногда – улыбку. Ничего нового – всего лишь правильная группировка мышц. Жаль только, глаза не умели притворяться так же искусно.

– Никки, дорогой, перерыв на пять минут! – холодная рыбина с глазами стервы Стелла Перовская только с ним разговаривала ласково, отчего казалась карикатурой – безобразной тварью, фальшивящей каждым звуком.

– Эсми, подождёшь меня? – он вытирает белоснежным полотенцем лицо и тёмные волосы.

– Да, конечно.

Зачем она продолжала ходить сюда – одному богу известно. На неё не смотрели. Отводили взгляд. Часто конфузились. Те, кто помягче. А так она давно чувствовала себя пустым местом. Коля нуждался в ней. Наверное. Иначе бы он понял, как эгоистично и жестоко заставляя приходиться на репетиции и смотреть, как танцуют другие.

Колю любили родители и сжимали ей горло, прямо-таки навязывая «хорошую партию». И это была не партия в шахматы. Это была игра в жизнь, в которой она не чувствовала себя живой.

Она могла порвать отношения. Послать Колю подальше. Но не стала. В ней поселилась мечта, и Эс давала ей возможность вырасти, созреть, родиться.

Чтобы выносить ребёнка нужно много сил и терпения. Чтобы родилась мечта, нужно просто не отказываться от неё.

– Ты видела, Стелла звереет? В последнее время она хочет выжать из меня максимум. Скажу по секрету: она замолвила обо мне словечко перед Гайшинским, а это перспективы, ты же понимаешь. Конечно, это закономерность, но я и не надеялся, что это случится так быстро.

Он надеялся. Но продолжал лукавить даже перед ней. Да и Стелла перед ним разве что на пузике не ползала по сравнению с тем, как она себя вела обычно, с другими учениками.

– Я хотел посоветоваться с тобой, Эсми.

А вот это главное, зачем он захотел видеть её именно сегодня.

– Ты всегда можешь на меня рассчитывать, – она не лукавила.

Когда человека знаешь так долго, он практически становится родным. Ну, если не считать, что они года четыре активно трахаются. Не живут вместе, нет. Кочуют туда-сюда, хотя Коля и настаивал. Ему было бы удобнее. Но Эс осталась непреклонной: жить под одной крышей с ним не хотела она. Нуждалась в свободе и личном пространстве, чтобы не потеряться, остаться собой, а не чьей-то матрицей – формой под кого-то. Вмятиной на гладкой глянцевой поверхности.

Он останавливается, берёт её за руки, и Эс внутренне сжимается. Если сейчас он попросит стать его женой, ей придётся отказать ему. Коля смотрит ей в глаза. Очень серьёзно и взволнованно.

– Эсми, дорогая, – ему, наверное, будет больно, очень больно. А ещё может накрыть депрессией и прийти творческий кризис. Ему и так пришлось нелегко, когда с ней случилась беда. – Ты же понимаешь: жизнь не стоит на месте. Если бы я мог, я нашёл бы рычаг и отмотал время назад. Предотвратил бы. Уберёг бы.

Тут самое важное слово – частица «бы», которая означает условие, которое помешало. Она переводит дух. Это не предложение руки и сердца. И её настолько легко, что остальное проходит мимо – заглушается шумом в ушах.

– Эсми, – сжимает он её ладони. И в глаза заглядывает с тревогой. Закусывает губу, и лишь она знает – это знак сильнейшего волнения, когда Коля почти не может владеть собой. А такое случается редко. Что она пропустила? – Ты слышала меня?

Эс кивает, затем отрицательно качает головой и улыбается. Наверное, улыбка сбивает его с толку.

– Я повторю: Стелла нашла мне новую партнёршу.

Эс моргает. Снова кивает. А затем ответно стискивает его пальцы.

– Да, конечно. Не переживай так сильно. Это закономерно. Так должно было случиться рано или поздно. И если ты думаешь, что я буду против...

– Я не отказался бы от этого предложения, даже если бы ты была против, – крутит он смущённо головой, но позволяет себе быть честным. Жестоко честным и в этот раз.

Что таится в его неподвижных зрачках? Он ждёт её реакции? Надеется, что она заплачет или устроит истерику? Нет же, нет. Это не в её характере. И он это знает. Малоэмоциональная. Сдержанная. Холодная. Снежная Королева – так иногда зовёт её Коля.

– Пойми меня правильно, Эсми. Этот шанс... я не должен упустить его. Ради будущего. Ради нас.

О, вот это лишнее. Чем дальше, тем «нас» становится меньше. Эс это видит. А Коля играет в благородство? Вряд ли он действительно искренне верит в то, о чём сейчас пытается вещать. Пафосно. Наигранно. Слегка жертвенно – так ему, вероятно, кажется. Он любит местами побыть жертвой. Особенно, если потом можно выгодно обыграть роль святого мученика.

– Коля, – Эс легко касается его щеки и поправляет ему растрепавшиеся на ветру волосы. – Я всё понимаю правильно. Делай так, как считаешь нужным. Тем более, что я тоже должна тебе признаться.

Она смотрит куда-то мимо человека, с которым её свела судьба на несколько долгих, местами счастливых лет. Что осталось от них? Кучка смазанных воспоминаний, больше напоминавших скромное пепелище. Размером с костерок, который когда-то светил, но плохо грел.

– У меня скоро тоже будет новый партнёр, – произносит чётко, словно рисуя в воздухе замысловатые вензеля. Снова гладит его по щеке, почти жалея. Нет, она никогда не чувствовала его. И он – всё же стажёр девяносто восьмого уровня. До бога ему не дотянуться. Потому что бог в танце вовсе не он. И жаль, если Коля этого не понимает.

Глава 4

Макс

Она не пришла ни через два, ни через три дня. Не то, чтобы Макс ждал эту сумасшедшую, но всё же нет-нет да вспоминал. Невольно. Даже не её саму, а слова, что сказала. Бред, конечно, и он это понимал, но живший в нём темпераментный неистовый Макс из прошлого поднимал упрямо голову. А ему казалось, что он умер – тот самый парень, способный на безумства и нечеловеческий по своему накалу драйв.

Макс Гордеев был из тех, о ком говорят: родился с золотой ложкой во рту. Папа, мама, сестра – крепкая семья, где водились деньги и чувства. Замес любви, понимания, искренности. Такое нечасто встретишь в их среде.

Он их обожал – своих родных. Он всё делал со страстью, не признавая полутонов и полумер. Половинчатость – не для него. Незачем жить или любить, если не умеешь полностью отдаваться. Без остатка, без запаса. Без зачатки на потом. Только так можно почувствовать вкус и увидеть яркость красок. Ощутить, осязая не только кожей, но и чем-то намного глубже, куда не каждому достучаться. Но если кого Макс и пускал в своё сердце, то надолго, если не навсегда.

Он выкатил гантели из-под дивана. Сдул пыль. Смотрел на них с сомнением, как на чужие предметы в собственном интерьере. А затем на автомате сделал серию упражнений. Тело помнило. Тело не хотело забывать.

Она появилась на его пороге, когда он лежал на коврик мокрый и красный. Майка на груди потемнела от пота. Снова вошла без стука. А может, стучала, а он не услышал: чтобы отгородиться от всего, воткнул в уши наушники и забивал мозг роком.

Макс не удивился. Такие, как она, не отступают. Но всё же – надо признаться честно – побаивался, что она не придёт. Побоялся?.. Хм...

– Какие люди, – пробормотал беззлобно, срывая наушники и бросая гантели. Пониматься с пола не спешил. Смотрел, как она осторожно ступает, будто под ногами у неё не линолеум, а лёд. А может, это привычные штучки бывших балерин – ходить воздушно и немного вкрадчиво.

У неё длинные красивые ноги, хоть и скрытые гетрами и всё тем же растянутым свитером. Уродливо она одевается, но это сугубо её проблемы. И ему по фиг на самом деле. Пусть хоть заплатки у пугала огородного одолжит.

– Ну, что топчешься? Проходи, раз пришла. Я сегодня трезвый, а поэтому злой и жестокий. Ты готова к моему дурному настроению и беспощадному языку?

Макс улыбался криво, рассматривая нагло её снизу вверх. Ему не видно её лица. А посмотреть хочется. Поэтому он перевернулся на бок и, подперев голову рукой, продолжил ощупывать взглядом фигуру. Не спеша. Куда торопиться? Впереди вечность. Пусть весь мир подождёт.

Худая, как доска. Безгрудая. Огромный свитер только подчёркивал её бестелесную хрупкость. Наверное, её можно сжать в кулаке, и она хрупнет, как яичная скорлупа.

Острый подбородок. Изящные скулы. И контраст из желто-белых волос и карих глаз. Вероятно, в «девичестве» она брюнетка. Но разница хороша, если приглядеться. Интересно, как сильно ей хочется приставать к нему со своими дурацкими мечтами? Танцевать. Воздух из дымного колечка от сигареты ей.

– Раздевайся, – равнодушно, почти буднично. И холодными глазами её на полосы рвёт. Чтобы прониклась и замерла. – Секса хочу. У меня давно не было бабы.

Сейчас она завершит, встанет в позу, начнёт рассказывать, что она «ни такая и ждёт трамвая». Пока Макс с наслаждением рисует картины возмущённой целомудренности, эта ненормальная, взявшись за край своего вязаного балахона, начинает стягивать его. По-девчачьи. Перекрестив тонкие руки.

И надолго балеринам завозят храбрость? Или они, как резиновые пупсы, сдуваются, стоит только прикоснуться пальцем? Ему интересно, как далеко она готова зайти.

Под свитером у неё футболка – тоже не по размеру. Макс невольно раздражается. Как вообще можно рассмотреть её фигуру, если она так шифруется? Неужели всё печальнее, чем это выглядит на первый взгляд?

– Давай, давай, – подстёгивает он её и, усаживаясь поудобнее, делает энергичные взмахи руками, призывая поэнергичнее раздеваться.

Под футболкой у неё спортивный лифчик. И да, он ошибся: грудь у неё всё же есть. Небольшая, но это всё же округлости, а не два соска на грудной клетке. Самое страшное – он завёлся. Прямо-таки с полуоборота, как только узрел эти круглые булочки с проступающими сквозь ткань сосками. Каменный член вжался головкой в резинку трусов. Болезненно, остро, до темноты в глазах.

А она не остановилась. Избавилась от лифчика. И вот теперь села на пол рядом с ним, и упругие грудки с бледными ореолами и острыми маленькими сосками маячат прямо перед его носом.

У неё глазищи, как два мощных пылесоса – засасывают. Смотрит прямо, и взгляд какой-то отстранённый, словно она – механический паяц, который делает то, что заложено в его программу. Никакого волнения, смущения, частого дыхания, румянца на щеках. Ей не стыдно. Она просто выполняет работу – может, грязную и неприятную, но необходимую.

Ослица. Сумасшедшая. Дура.

– Альда... – она не сразу услышала его хриплый, севший до сиплости голос. Её тонкие пальцы уже поддевают эластичную резинку лосин. – Альда! – погромче, чтобы очнулась от медитативного транса. Девушка вздрагивает. Взгляд становится осмысленнее, живее. – Всё, хватит. Одевайся.

Она ни о чём не спрашивает. Так же послушно начинает натягивать свои шмотки назад.

– Ты всегда такая?

– Какая такая? – слышит он впервые за сегодня её голос. Глубокий и низковатый для такой пичужки, как она. Впрочем, она не малышка, не миниатюрная крошка. Для балерины даже высоковата, наверное.

– Отмороженная. Или ты знала, что я тебя остановлю?

– Не знала, – на лице её нет эмоций. Гладкая кожа. Великолепные скулы. Хочется провести по ним пальцем, но Макс давит в себе подобные мысли, как клопов. Не хватало ещё нежничать с этой трахнутой на голову.

– И что, пошла бы до конца? Стала бы подстилкой на час? Только потому, что какой-то левый незнакомый козёл приказал тебе? – он начинал реально злиться, гневаться на эту простушку.

Точно у неё ку-ку не хватает. Болт вылетел, гайка ослабла в мозгах. Может, у неё психическое расстройство какое? Вон, лицо неподвижное, как маска. Нормальные люди с такими лицами свободно не бродят.

Альда пожимает плечами.

– Если бы тебе это помогло – да. Я пошла бы до конца.

– Почему? – никакой гнев не помогает угомонить окаменевший член у него в штанах.

Альда смотрит ему в глаза. И что-то такое мелькает в её взгляде – неуловимое, но живое. Мелькает и прячется за ширмой тёмных ресниц.

- Потому что когда есть цель, её нужно добиваться любыми способами.

- Даже переступая через себя? Свои принципы? Устои? Мораль?

- Есть вещи, которые легко могут подвинуться, когда я шагаю к мечте.

Она улыбается так, что Макс считает, будто его кто-то в солнечное сплетение сбил двумя кулаками со всей дури.

Точно чокнутая. Но только откуда этот свет и восторг, который рождается при виде её лица, которое преображается и словно расцветает всего лишь оттого, что растягиваются в улыбке её губы?..

Глава 5

Макс

- У нас ничего не получится, - заявляет он без обиняков, не сразу соображая, что объединил их в единое целое. «У нас» - вот же чёрт. - Точнее, у меня, - поправляется поспешно. - У тебя одной - возможно. С кем-то другим - вероятно. А ты и я - заведомо провальная идея.

Она не возражает. Смотрит лишь на него, как на неразумное дитя, которое ещё не понимает, как нужно правильно поступать. Накручивает на палец прядь своих волос. Рассеянно и машинально. И жесты её тонких пальцев притягивают взгляд.

- В чём я ошиблась? - задаёт вопрос, а в уголках её губ тлеет улыбка, как кончик тонкой дамской сигаретки с ароматом тёрпких вишнёвых веточек.

- Я... не смогу, - выдавливает из себя через силу. Трудно, но зато правда.

Больше всего хочется послать её матом, вытолкнуть за дверь, но Макс не собирается потакать изменчивым порывам. Нужно смотреть на всё спокойнее -

пора уже. Принять реальность, проговорить самые тяжёлые моменты вслух, чтобы освободиться и как-то ползти дальше. Безногие живут. Это не конец света. Нужно только об этом почаще говорить самому себе.

- Почему?

Макс с трудом возвращается к разговору, прерванному на размышления. Роемся мучительно в мыслях, чтобы дать достойный ответ, но ничего умного не находится. Лучше правду. Может, отстанет, оставит в покое.

- Потому что у меня проблемы, – пожимает плечами. – Я ходить толком не могу, а ты танцевать... Я ненавижу этот протез, а он ненавидит меня. Я не чувствую устойчивости. Теряюсь. Падаю. В общем, все тараканы здесь, – он стучит пальцем по лбу.

- Значит, настала пора избавляться от них, – в её голосе – ослиная уверенность и непоколебимость. Безмятежное спокойствие. Именно это запускает его взрывной механизм.

- Ты меня не слышишь, да? Не понимаешь и не хочешь понимать! – горячится он. Желваки ходуном ходят, а зубами Макс не скрипит только потому, что не позволяет себе впасть в буйство, когда пелена застилает глаза и поступки не всегда адекватные совершаются. – Я больше, чем инвалид, я неадаптированный инвалид с нарушением координации движений, фантомными болями и неадекватными реакциями на пространство. Я будто инопланетянин, что попал в чужую, враждебную среду и никак не может привыкнуть к новой реальности.

- Что ещё ты придумашь, чтобы я от тебя отвязалась?

Он даже не нашёлся, что ответить. Завис, как глючная операционная система. Для острастки мог и синий экран смерти выкинуть, если бы был бездушной машиной.

- Ты мне не веришь? – гнев резко сменился апатией. Не хотелось ничего ни доказывать, ни объяснять. Зачем он вообще попытался? Надеялся, что она его поймёт? Утешит? Погладит по голове? Развернётся и уйдёт, оставив его наедине с проблемами, которые никак не хотели решаться.

– Верю, – это прозвучало так, словно она клялась на Библии. – А ещё больше я верю в тебя, Макс. В того парня, что рвал на части танцевальные баттлы. В того, кто на спор выигрывал конкурсы. Кто танцевал на мостовых города и собирал вокруг толпы людей. Кто не пропускал ни одного марафона и флэшмоба.

– Ты следила за мной, что ли? – он даже злиться на неё не мог сейчас. Альда цепляла за самое больное и лезла туда, куда он не позволял и себе заглядывать, поэтому на смену злости пришла апатия. – Слишком много обо мне знаешь.

– За таким следить не нужно. Ты всегда был на виду.

С этим трудно спорить.

– Я не помню тебя. Совсем. А ведь ты должна была быть где-то рядом. Но я точно не учился в балетной школе.

Макс позволил себе короткий смешок. Спрятал глаза, уткнувшись в собственную руку. Запястья ослабли. Ладоням не хватает крепости, а ему самому – солнца. Чтобы загореть до черноты, как раньше. А то слишком бледен стал, как умирающий от голода вампир.

– Зато я училась во «Вспышке».

Кажется, Макс уже ничему не удивлялся, но она заставила его брови ползть на лоб. Она и «Вспышка»? Это тонкокостная эфемерная балеринка среди мышц, ора, энергии через уши?

– Недолго, – уточнила Альда. – Я посещала вольные занятия Грэга по выходным.

– Зачем? Говорят, у вас там жёстко. Учитесь сутками.

Альда склоняет голову. У неё длинная шея. Даже безобразный свитер этого не скрывает.

– Хотела преодолеть барьер. Испытать себя. Посмотреть, способна ли я на что-то другое.

– Преодолела? – Макс не может скрыть скептицизм, хоть и старается.

– Можно сказать и так, – поводит она мягко плечами. И от этого жеста у Макса опять болезненно сжимается в паху.

Кажется, пора завязывать с добровольным затворничеством. Расслабиться и оттянуться. Благо, есть пара-тройка некомплексующих подружек, которые готовы утешить бедного Макса.

Печально, что его заводит вот такое невзрачное создание: Макс упорно не желал видеть лучшие стороны её внешности. Предпочитал остановиться на первом образе: бесформенное нечто с личиком-треугольником, бледной кожей и не впечатляющей внешностью.

– Мой ответ «нет», – решил он покончить с этой тягомотиной и поставить точку в тягостном разговоре. Слона нужно есть по кусочкам, иначе можно заработать несварение. Слишком много прошлого и печального настоящего – убивает.

– Ты даже не хочешь попробовать? – Альда сидит неподвижно. Одна нога – под ней. Вторая, та, что со шрамом-змеей, вытянута вперёд.

Они сейчас как в позе «шестьдесят девять». Валетиком. Невыносимо рядом друг к другу и абсолютно далеко, словно за барьером.

– Нет. Не хочу ни разочарований, ни лишней боли. Если ты скажешь, что я слабак, соглашусь. Никаких слабо?, на спор, испытательных сроков. Нет, Альда, нет.

– Ладно, – соглашается она ровно. Почти равнодушно, словно не пришла уговаривать его, а только послушать отказ и уйти не солоно хлебавши. – Нет так нет.

Макс не может понять, что чувствует. Разочарование? Он был твёрд в своём намерении не бередить старые раны, но сейчас, когда чёртова девчонка даже не попыталась его переубедить, внутри растёт глухое раздражение. Ждал, что начнёт уговаривать? Его тошнит от самого себя. Гадливое чувство по отношению к собственным словам и поступкам.

Он смотрит, как Альда плавно поднимается с пола, опираясь на здоровую ногу. Вторая почти не участвует в этом процессе. Наверное, немного жаль, что она сейчас развернётся и уйдёт. Он больше никогда её не увидит. Не принц из её выдуманной сказки Макс Гордеев, увы.

И пока он крутит в голове горькие мысли, наблюдая за девушкой, пропускает момент, когда она молниеносно наклоняется, хватая за руку и дёргает на себя, вынуждая подняться.

Тело не забыло. Тело среагировало. Макс машинально повторил то, что буквально минуту назад видел. Крепко вцепившись в тонкую руку Альды, он упёрся здоровой ногой в пол и поднялся. Практически без усилий. Будто только этого и ждал.

Глава 6

Альда

Она ничего не планировала заранее. Знала: будет нелегко. А ещё догадывалась: переломить упряма может только ещё больший упрямец. Эс всегда была из тех, кто гнётся, но не ломается. И многого добивалась трудом, нечеловеческим упорством, умением трезво смотреть на мир и хладнокровно принимать решения.

Это был экспромт. Вспышка. Спонтанное решение. Даже если бы он не поднялся, она, по крайней мере, вздрюкнула бы его. Попыталась растормошить или хотя бы вогнать в стресс. Но он поднялся легко, считай, без усилий.

– Должен тебя огорчить, – лицо его близко-близко. Эс чувствует дыхание. Видит губы, сломанный когда-то нос и глаза с густыми ресницами – красивые, как у девчонки. Правда, сейчас они злые, но разве её напугать? Даже если ударит – она выдержит. – На здоровой ноге я стою нормально. И на костылях прыгаю достаточно сносно. Так что если ты пыталась меня выдернуть, то ошиблась.

Они так и стоят – держась за предплечья друг друга. Эс делает шаг назад, Макс, покачнувшись, следует за ней. Мягкий прыжок. Пластичный и сильный – ничего не изменилось.

– Хочешь поиграть? – сдувает Макс с глаз упавшую чёлку. – Ты проиграешь, так и знай!

Вот таким она хотела его видеть – неистовым и заводным. Немного с чертовщинкой.

– Напугал. Уже боюсь, у меня всё трясётся, – делает Эс ещё шаг назад. Она не хочет его дразнить – всего лишь заставить двигаться. Эс просчиталась только в одном: Макс не тот, чьё имя «терпение». Ещё один шаг – и он схватил её за талию, поднял вверх, сделал прыжок и больно приложил её спиной о стену. От неожиданности Эс прикусила губу.

Макс тяжело дышал. Руки – клещами на талии. Тело – всем весом на ней. Он медленно разжимает пальцы, опирается ладонью о стену, позволяя ей наконец-то почувствовать землю под ногами.

– Испугалась? – голос у него хриплый, с низкими завораживающими нотами. Яростно помотала головой. – Испугалась, – утверждает он и проводит большим пальцем по губе. Эс замирает, прислушиваясь к ощущениям. – У тебя кровь. Альда?

– Что? – у неё тоже голос сбивается и кажется почти мужским – настолько низко и гортанно звучит короткий вопрос.

– Ничего, – выдыхает Макс почти ей в губы и впивается поцелуем. Жадным, горячим. Нет в нём ни нежности, ни трепета. Только мужская сила и грубость – животная, низменная, похотливая. Он вжимается в неё всем телом, и Эс чувствует его возбуждение и невыносимо горячее тело. Жар проникает даже сквозь слои всех одежек.

Поцелуй-наказание. Поцелуй-ярость. Поцелуй-порабощение, когда насилуют языком израненный рот, зализывая попутно ранку.

Макс отрывается от неё нехотя, через силу. Влажная от пота прядь падает ему на глаза. Шумное, прерывистое дыхание опалает кожу, шевелит волоски на висках.

- Альда, уходи, а? Или я тебя изнасилую. Уходи.

Эс приподнимается на цыпочки, отчего их тела трутся друг о друга и соприкасаются ещё теснее. Убирает непослушную прядь с глаз. Легко дует ему в лицо, отчего Макс прикрывает глаза. Ему нравится её дуновение, похожее на свежий ветер.

- Ничего ты подобного не сделаешь, Гордеев.

Она осторожно вжимается в стену и выскользывает из-под тяжёлого твёрдого тела, но не убегает, как трусливый заяц, не дрожит и не мчится вон, теряя тапки. Не для этого она сюда пришла, чтобы изображать робкую девственницу, которая боится собственной тени.

Макс приваливается плечом к стене. Ему тяжело стоять. Она видит, как мелко подрагивает уставшая нога.

- А даже если б и сделал... Меня этим не напугать, - потирает она ноющую от удара спину и видит, как с тревогой он наблюдает за каждым её жестом.

- Ты сумасшедшая. Без башни.

Ей не впервой выслушивать подобные слова. Но от него она их стерпит. Без последствий. Все остальные, кто смел её оскорблять, получали сполна за свои опрометчивые слова.

- Думай, что хочешь.

- Больно? - не отрывает Макс взгляда от её руки, что потирает ушибленное место.

- Не больней всего прочего. Пара синяков - рассосётся. И, кстати, у тебя шикарная координация движений.

– Без протеза, – кривит он губы. – Я уже говорил. Правда, вот так упражняюсь, наверное, впервые.

Он делает несколько скованных прыжков и с облегчением падает на диван. Растирает бедро и голень, шевелит босыми пальцами.

– Я вернусь, Макс, – звучит, как угроза, но Эс уже ничего не может поделаться – уходит прочь. С достоинством, не спеша, не давая ему опомниться и кинуть какую-нибудь гадость в спину.

Холодный весенний воздух забирается под свитер, овеивает лицо. Голубое небо режет глаза своей незамутнённой чистотой. Ни облачка. На деревьях проклюнулись листочки. Будет жаль, если их побьёт ночной морозец.

Она бредёт, разглядывая город. Не садится ни в маршрутку, ни в трамвай. Не спускается в метро. Ей нужен сейчас ветер и холод. Ноет спина и нога, но идти важнее. Так мысли лучше укладываются на полочку её идей.

Эс замыкает круг, чтобы разорвать цепи былых обязательств, путы душащих отношений, паутину дурацких слов и лжи. Но чтобы проделать всё это, нужно пережить ураган. Что ж, она готова. Ни один удар не способен свалить её с ног. Ни одна буря не способна заставить её свернуть с намеченного пути.

– Партнёр?.. – растерялся до потери пульса Коля четыре дня назад. – Что ты задумала, Эсми? Ты консультировалась у врача? Ты знаешь, что любые нагрузки могут вызвать обострение и принести лишние страдания?

Она не собиралась ему отчитываться. И откровенничать – тоже. Всё, что хотела сказать, выдала, чтобы он не мучился ложными приступами мук совести, которой у Коли было откровенно мало.

– Всё хорошо, Коля, – снисходительно похлопала его по плечу, давая время очухаться и прийти в себя. – Ты же знаешь: я самая холодная и расчётливая, самая рациональная и меркантильная. Всегда пекусь о своём здоровье и никогда не позволяю ничего лишнего. Режим, правильное питание, здоровые нагрузки, трезвая оценка своих сил, возможностей и способностей.

Она сейчас лгала. Но Коле об этом знать не нужно. Именно такой он её видел и никогда не пытался заглянуть глубже. Ему не было до этого дела. Ни тогда, ни, тем более, сейчас.

Эс тогда так и ушла, оставив его в раздрае. Давненько она не видела Островского в расстроенных чувствах. Да-да. Николай Островский. Родители часто не задумываются, когда дают своим детям имена. Но ему шло. Звучало красиво. Особенно когда объявляли его выход.

То, что она совершила ошибку, рассказав о едва наметившихся планах, Эс поняла уже вечером. Ники ввалился к ней с букетом роз и чаем – тем самым сортом, который, как он считал, она любит. На самом деле, это был его любимый чай, а Эс никогда не переубеждала. Зачем? Её всё устраивало, а такие мелочи казались смешными и порой забавными: даже в таких мелочах Коля оставался верен себе на все двести процентов: любил только себя, прекрасного.

Он ни о чём не спрашивал. Не задавал вопросов. Но по тому, как кидал пытливые взгляды, Эс поняла: он помнит и хочет контролировать процесс. В его стиле. Но можно даже не знать Колю так хорошо, как она, чтобы понять: надолго его не хватит. Не тот характер и не тот стержень.

Той ночью он творил чудеса в постели: проделывал акробатические номера, чутко вслушиваясь в её дыхание и деланные стоны. Он ни черта не понимал, а ей не трудно было в очередной раз провести его вокруг имитированного оргазма. Нет, трёх лживых оргазмов.

Он впервые за много лет прикоснулся губами к почти сухим складочкам, раздвинул их языком и попытался ласкать клитор. И, наверное, ей бы понравилось, если бы не безнадежность её как женщины. Кажется, было немножко приятно. Какое-то время. А потом она снова почти ничего не чувствовала. И пришлось поднапрячься и изобразить. Великая порноактриса внутри неё рыдала бриллиантовыми слезами размером в три карата.

Коля обихаживал её как призовую элитную лошадь три дня. Таскал везде с собой, неизменно возвращался под вечер. Эс только улыбалась, глядя на его потуги уберечь волосы, когда голова с плеч уже снята.

На четвёртый день он расслабился, и тут-то она исчезла из поля его зрения.

– Где ты была? – задал он вопрос, как только Эс открыла дверь. Надо бы отобрать у него ключи, чтобы не смел вваливаться, когда ему заблагорассудится.

– Гуляла, дышала свежим воздухом, – почти сказала правду. Об остальном – просто умолчала. Не сейчас. – Как прошла великая встреча?

Отличный манёвр. Коля тут же забыл обо всём на свете и взахлёб начал рассказывать о Гайшинском. И о том, как Стелла подобострастно гнулась в пояс. Мерзкая тётка. Талантливая, но абсолютно неприятная, жутко беспринципная. Вот у кого кусок льда вместо сердца. Но она умела рожать сенсации и таланты, поэтому ей прощали всё.

Этой ночью Эс даже не старалась. Лежала бревно бревном и никак не реагировала на Колины потуги её возбудить и расшевелить. Надо бы симитировать, но какая-то всеобщая апатия охватила тело. И пока он трудился, двигался ритмично и долго, непростительно долго, загоня свой приличных размеров член в её горящую от сухости вагину, она почему-то вспомнила поцелуй Гордеева. Горячий и неистовый. Сумасшедший и злобный. И то, как он засовывал ей язык в рот – жёстко, собственнически. Как прикусывал нижнюю губу, обволакивая своим ртом так жарко, что где-то внутри ёкнуло. Ударило в низ живота незнакомой томительной тяжестью. Защекотало где-то под рёбрами. На мгновение.

И от воспоминаний жаркая волна прокатилась от макушки до кончиков пальцев на ногах. Ураганная, напористая, как и Макс. И тело непроизвольно дёрнулось, сжалось. Захотелось свести ноги и прикоснуться к себе там. Впервые. Никогда Эс ничего подобного и не делала, и не желала.

В этот момент, мощно дёрнувшись три раза, Коля наконец-то кончил. Видимо, его ввела в заблуждение реакция её тела на воспоминания. Коля кончал бурно, со стонами. И только потом, когда он расслабленно откинулся рядом, она заметила, что трахал он её без презерватива. Это что-то новенькое в его арсенале. Трахал и кончил внутрь. Интересно: он думал, что она не заметит?..

Макс

Она ушла, оставив винегрет в душе и каменный стояк в теле. Макс даже не попытался съязвить – не хватило ни сил, ни духу. Он не мог понять, почему не отшил её сразу. Не мог разобраться: хотел он её возвращения сегодня и хотел ли, чтобы она пришла ещё.

Закрыться на все запоры. Не отвечать на звонки в дверь. Притвориться ветошью в самом грязном углу и не реагировать. Запросто. Без вопросов. Так будет лучше для всех. Но это позже. Сейчас он действительно тупо хотел секса. Побольше и подольше.

– Кисуля, приезжай, – полупопросил, полуприказал, как только дикая кошка ответила на его звонок.

– Через часик, мурр? – проурчала томно Катька, и Максу стало жарко, как только он представил её ладное тело, упругие груди, шикарные ягодицы и смуглую кожу без единого волоска. Катерина любила секс, отдавалась этому занятию со всем пылом. Она заводилась с пол-оборота и умела заводиться партнёра так, что сгорали все предохранители.

Катька трахалась как за деньги, так и из любви к искусству. Когда-то она училась в институте, потом бросила это гиблое дело и стала зарабатывать тем, в чём, без всяких сомнений, была хороша.

Как и положено, у неё имелся сутенёр, крыша, база богатых буратин, но у Гордея лично не поворачивался язык назвать Кисулю проституткой. Она какая-то особенная. Лёгкая. Воздушная. Никогда не грузила своими проблемами, всегда улыбалась, искрилась от счастья.

По жизни шла в ритме ча-ча-ча, покачивая бёдрами, на все проблемы махала рукой. Теряла деньги – не расстраивалась. Приобретала что-то – радовалась, как ребёнок: искренне и от всей души. Может, поэтому её любили. Может, поэтому у неё отбоя от мужиков не было. Да и «трудилась» она как прима: сама решала, выбирала, и никто и никогда её ни к чему не принуждал.

– Кто тут сидит голодный и несчастный? Кто хочет согреться и немножко пошалить? – Кисуля нарисовалась ровно через час, как и обещала. Дурацкая привычка не закрывать дверь. Нужно что-то с этим делать.

Макс уже принял душ и развлекался тем, что рассматривал фотографии в Интернете. Старые фотки уличных баттлов. Когда-то именно там он познакомился с Катькой. Она старая заядлая его фанатка. Она одна из тех, кто не бросил его и не забыл. А когда гнал всех от себя – не ушёл. Их таких осталось по пальцам одной руки пересчитать.

– Иди сюда, – отложил он в сторону ноут Ему сейчас не до прелюдий, и Кисуля охотно стягивает с себя платье: она всегда чувствует, понимает, умеет настраиваться на чужую волну. Возможно, именно из-за этого её ценят. Ну, и из-за солнечного улыбчивого характера, безусловно. Такое тёплое солнце всегда греет и качает на воздушных качелях-лучах. После Кисули очень остро хочется жить.

Она трётся об него всем телом. Ловко стягивает боксёры, любуется вставшим членом, оглаживает его рукой. Мягко, ласково, почти трепетно. Для неё детородный орган – чуткий инструмент. А она – мастер, умеющий с ним обращаться и настраивать. Поговаривали, она даже почти импотентов умела расшевеливать.

Кисуля проводит руками по его груди, улыбается, почувствовав нетерпеливую дрожь тела, и медленно насаживается сверху, отодвинув в сторону стринги. И с этого момента ему становится ни до чего. Только физическое удовлетворение. Только желание быть поглубже и получить разрядку.

Он загонял её, утомил.

– Неистовый Макс, – устало, но довольно мурлыкнула Кисуля. – Истосковался, бедный.

Она не читает ему лекций, не ездит по мозгам. Не рассказывает, что не мешало бы трахаться почаще, чтобы потом не оттягиваться вот так, до потёртостей и горения. Под конец уже пошёл в ход лубрикант.

– Накончалась до тошноты. Ну, ты даёшь, Максик! – пихает она его в бок и влажно хихикает. Развратно, с горловыми переливами. Он выдоен досуха, а уставший член вяло, но всё же реагирует на этот кошачий призыв. Если ещё раз – это растянется на часы. Он больше не сможет кончить. Нечем. И лучше отпустить всё же Кисулю – ей и так досталось. Она не в обиде – Макс знает. Катька как щедро давала, так и получала. Автомат для оргазмов. Богиня секса. Благодатная почва.

– Мне остаться или уйти? – Кисулька лежит на животе и болтает ногами. Заглядывает ему в глаза и улыбается. Она слишком хороша, чтобы быть настоящей. Вот же кому-то сокровище достанется, надумай она однажды выйти замуж.

– Лучше уйди, – хрипло смеётся Макс и не отказывает себе в удовольствии ещё раз впиться в распухшие от поцелуев Катькины губы. – Вряд ли от меня уже будет толк.

– Дурень, – проводит она пальцем по подбородку, где легла тёмной порослью щетина. – Уже и не нужен никакой толк. Так, тёплый бок под подмышкой. Да уши свободные, если они тебе нужны. Ну, и утренний секс, конечно же. По утрам всегда так сла-а-адко.

Он на минуту задумывается. Соблазнительно. Но потом всё же отрицательно качает головой.

– Нет. Мне побыть одному нужно. Подумать. Я вызову такси.

Кисуля никогда не обижается. Встаёт с кровати и натягивает на себя вещи.

– Ну, если что, звони.

– Кать, – останавливает он её на пороге.

– А? – живо оборачивается девушка и смотрит на него вопросительно.

– У меня немного дурацкий вопрос. Но ответь на него честно.

Кисуля поднимает бровки вверх и складывает губки бантиком.

– Хорошо. Хотя я и так вроде никогда тебе не лгала. Не за чем. Ты тот, кому можно стопроцентно и железно верить и доверять. И правду тебе говорить легко. Потому что не строишь из себя невесть что и не дуешься, как младенец.

– Если бы не танцы, ты бы обратила на меня внимание? В толпе? Просто так? Как на обычного парня, которых тысячи?

Катка на мгновение задумывается.

– Это сложный вопрос, – встряхивает она волосами, что рассыпаются красивым каскадом по плечам. Из толпы выделиться сложно. Там мы обычные. Спешим, не смотрим по сторонам. Редко притягиваем к себе взгляды. Теряемся в массе. Ну, возможно, заметила бы. Ты парень видный, хоть как ни крути. На таких оборачиваются вслед. Говорю это прямо, потому что ты нос не задерёшь. Но... то, что я увидела тогда, навсегда останется здесь, – Кисуля прижимает кулачок к сердцу с точно такой же страстью, как и отдаётся сексу. – Там та же толпа. Танцоров много. И это как в метро или на остановке. Но каждый что-то значит, что-то представляет собой. И понять, рассмотреть, почувствовать, наверное, гораздо сложнее. Ты был тем, кто сразу же ворвался сюда, – она снова ударяет себя в грудь. – Не оставил шанса, не дал подумать, сравнить, оценить, поставить какой-то балл. Это как пуля навывлет. Как любовь с первого взгляда. Утоление жажды с одного глотка. И уже не важно, кто там есть ещё и что они покажут. Они могут быть техничнее, виртуознее, опытнее, но тебе не ровня. Понимаешь?

Макс только кивнул, боясь, что враз пересохшее горло выдаст его. Откашлялся, прочистил глотку и всё же спросил:

– А если я скажу, что снова буду танцевать?

Он боялся её ответа. Боялся, что она вот так же честно посмотрит на него с сомнением или жалостью. Или соврёт, пробормотав какие-то ободряющие слова. Но Кисуля не подкачала. Она улыбнулась так, что затмила лампочку в люстре.

– Я буду первой, кто встанет в первых рядах кричать «Браво!». Я буду счастлива, Макс. Счастлива оттого, что ты вернёшься. Станешь собой. Настоящим. Тем, от кого рвёт крышу и становится так же хорошо, как от самого сумасшедшего секса

с затяжным нескончаемым оргазмом!

Кисуля ушла. Её слова ещё долго стояли в ушах. Тешили его самолюбие – что скрывать. Но ему вдруг подумалось, что никакой секс не может сравниться с тем, как он сегодня прыгал на одной ноге за подстрекательницей Альдой. И никакой оргазм не может сравниться с тем, что он чувствовал при этом.

Живое тело. Напряжённые горячие мышцы. И крышесносный, умопомрачительный драйв от этого топтания по комнате. От того, как он прижимал хрупкое тело к себе. От того, как поправляли тонкие пальцы его чёлку. Нет, определённо, это было куда круче целого дня, проведённого с Кисулей в постели.

Глава 8

Альда

– Да, мама. Нет, мама. У меня всё хорошо, не беспокойся. Я прекрасно себя чувствую. Мне не нужен плащ. И любимые кроссовки тоже не нужны: я купила новые.

Маму можно слушать часами. Её хлопотливый голос утомляет. Но она мама, поэтому Эс покорно делает вид, что внимает. У них так принято: уважать старших. У них в семье – старый уклад, который вряд ли сильно изменился с течением времени.

Следы старой аристократии растворились в веках. Отголоски прошлого сохранились только в гордой фамилии Щепкиных и в одной-двух родовых чертах, что нет-нет да всплывали во внешности отпрысков. Они уже мало походили на портреты предков – смешалось, выветрилось фамильное сходство.

Одно оставалось неизменным: девочек Щепкины отдавали в услужение Терпсихоре[1 - Терпсихора (Terpsicora) – муза танца и хорового пения.], а мальчиков – Марсу[2 - Марс – бог войны] или Аполлону[3 - Аполлон – покровитель искусств, в частности – художников.]. Как-то так повелось. Попытки «сходить

налево» пресекались жёстко и на корню. Отступников предавали анафеме, а их осквернённые имена заносились в «чёрный список». О паршивых овцах семейства говорили только шёпотом и ужасались небывалой смелости: они посмели противостоять клану.

Родительская воля не обсуждалась: шаг влево, шаг вправо – расстрел. Слабостям не потакали. Из мужчин Щепкиных лепили мужей высочайшей пробы, как у редкого красного золота. Из девиц – высокоморальных леди. Девственно-холодных, эфемерно-прекрасных. Снежных королев, достойных войти в баллады и скрижали вечности своей непорочной чистотой и незамутнённой.

Естественно, не все девы доживали до марша Мендельсона девственницами. Некоторые вообще не доживали до брачных уз, оставаясь одинокими. Но образ – всё, а физиология – ничто. Лучше остаться старой девой – холодной и неприступной, чем связать судьбу с плебеем.

Эсмеральде не повезло дважды: она родилась вторым ребёнком и девочкой. А старший брат стал той самой паршивой овцой, что не пала на алтарь военной профессии и не захотела рисовать. Валера стал программистом. Валеру отлучили от семейства, а Эс пришлось вынести на себе двойную ударную дозу родительской любви и пристального внимания. Чтобы не спрыснула. Не выкинула коленце. Ибо вольнодумие заразно.

Валера вырвался из душных семейных объятий в семнадцать, как только закончил школу. Вполне себе запланированный побег из тюрьмы – взлелеянный и тщательно продуманный.

– Никакой помощи! – бушевал отец и топал ногами. – Узнаю, что ты его подкармливаешь, паршивца, разведусь! – давил он на мать.

– Саша, ну как же так? – вопрошала растеряно мама, но против собственного диктатора пойти не посмела.

Эс тогда исполнилось одиннадцать, и Валерин побег от святых семейных ценностей казался ей чем-то совершенно фантастическим и нереальным.

– Он ещё на коленях приползёт, умолять будет, когдпоймёт, чего лишился!

Брат не приполз. Не вернулся. Ни разу не попросил ни копейки. Долгие годы она не знала о нём ничего: расспрашивать не смела, а говорить об изгоях не принято, разве что шёпотом да по углам. Эс скучала по Валере невероятно. Он один понимал её правильно и никогда не обижал ни словом, ни делом.

Это в других семьях братья и сёстры как кошка с собакой. Вечно что-то делят и не могут найти компромисс. У них всё было не так. Он старший. Заботливый. Чуткий. И когда он исчез, мир стал другим.

Эс нашла его сама. Три года назад. Не так-то это и трудно, как оказалось.

– Тянка, – сразу же признал её брат, как только она нарисовалась на пороге съёмной квартиры. Детское прозвище вышибло слёзы. И Снежная королева растаяла, потекла рекой, как только надёжные руки Валеры заключили её в свои объятия. – А я на твои выступления ходил, – признался он, вытирая её слёзы. – Ну, что ты, ты же никогда не плачешь, стойкая девочка. Даже когда сдираешь в кровь колени или сбиваешь пальцы.

Иногда она всё же плакала. Так, чтобы никто не видел. Тогда она поняла очень ценную и нужную вещь: с Валерой она может не притворяться, быть собой. Может плакать или смеяться, шутить или грустить, пить чай в неположенное время и красить ногти в чёрный цвет. На несколько часов. Пока никто не видит и не осудит. Не станет качать головой или поджимать неодобрительно губы.

Они с Валерой делились всем. Есть в этом что-то прекрасное: тайно общаться без забрала и брони, не скрывая чувств и эмоций. Это он подбадривал, когда с ней случилась беда. Это он сказал ей самые нужные слова, когда стало понятно, что балериной ей больше не быть.

– Ерунда, Эс. Невозможного нет. Есть куча разных вариантов, как реализовать себя, даже если все, как попугаи, талдычат, что параметры несовместимы с жизнью. Это как виртуальная реальность: надо перебрать ключи и выбрать другой. Не искать тот, что ты потеряла, а подобрать тот, который идеально подойдет к твоему замку.

– Отмычка? – ей всегда нравилось смотреть, как Валера жестикулирует при разговоре: увлечённо и живописно. Папа не зря бушевал: Валера всё же художник, хоть и программист. И его образное мышление никуда не делось.

Ушло в другую область, не менее увлекательную. Жаль, что старые догмы не дают увидеть и расширить горизонты. Жаль, что папа так и не понял: веб-дизайнер и программист Валерий Щепкин идеально нашёл себя. Соединил два таланта воедино. И это куда увлекательнее, чем возить кисточкой по холсту.

– Нет! – упрямо мотнул головой брат. – Отмычка – воровской инструмент, способный любой замок вскрыть. Это неплохо, но неправильно, потому что нужен уникальный ключ.

И она нашла его. Ну, ей кажется, что нашла. Увидела правильный путь, по которому не только хочется идти, а расправить крылья и лететь. И почему-то зрела уверенность: у неё получится, обязательно получится задуманное!

Глава 9

Альда

– Ключи, – протянула она руку. Мягко, но твёрдо. У Коли на лице – застывший укор и упрямство. Обиженный, похожий на ребёнка. Вряд ли кто видел его таким. На людях он умеет складывать из лицевых мышц нужные комбинации. А тут разобиделся не на шутку.

– Я сделал что-то не так?

Святая наивность. Секс без презерватива – это для него в порядке вещей, оказывается. Главное – не проговориться. В то, что он «забыл» или «не заметил» Эс не верила.

– Всё так, Коля. Но мы договаривались. Мне нужно личное пространство, и я хотела бы какое-то время побыть в одиночестве. Ты душишь меня своим пристальным вниманием, – ну, вот. Она сказала эти слова. И мир не рухнул. Да и Коля выдержал. Почему она всё время боялась, что сделает ему больно? При всех его минусах Коля не тепличный цветок. Иначе бы не выжил и не смог добиться хоть каких-то результатов. Слабаки ломаются и не выходят на большую сцену.

– Это всё из-за партнёра, да? – злится Коля по-настоящему. У него даже кончик носа покраснел. Эс удивлена. Ревность и Коля не очень понятная ей совместимость. Ей казалось, он не способен на эти Отелловские страсти. – Решила меня выкинуть из своей жизни? Это ты так мстишь за то, что я иду дальше? Что у меня появился шанс?

– Остановись, – от металла в её голосе Коля быстро теряет запал. Эти властные замашки достались ей от отца. Она всё же его дочь. И в нужные моменты умеет замораживать ненужные вспышки эмоций или осаживать наглецов. – Не говори сейчас того, о чём потом пожалеешь, Николай Островский. Ключи! – требовательно протягивает тонкую руку и холодным взглядом наблюдает, как Коля, стиснув зубы, кладёт ей два ключика на брелке в ладонь.

Он выскакивает пулей. Хлопает дверью так, что её заклинило – сломалась «собачка». И Эс приходится ковыряться в замке, чтобы вырваться из плена, а потом приглашать знакомого слесаря, который починил ей дверь. Хмурый дядька улыбался в щетину, когда вынимал часть механизма.

– Эх, молодёжь, – ворчит он по-отечески. – Довела парня, да?

Эс молчит, но слесарю собеседник не нужен, он сам с собой неплохо ладит, бормоча под нос всякие приговорки да причитания.

Неизвестно почему, но душа у Эс танцует. Медленно кружится, выдавая осторожные па. Не то, чтобы она хотела насовсем избавиться от Коли, но определённой ясности в отношениях хотела.

Её вполне устраивала их жизнь почти без обязательств, а то, что Островский устроил ей в последнее время, больше напоминало семейную жизнь, к которой она была не готова. Какие-то обязательства. Расспросы. Контроль. Особенно сейчас, когда и так ничего не понятно. У него карьера, у неё – мечта. И как-то эти две величины не хотели приживаться. Конфликтовали между собой.

Думать об этом некогда. У неё теперь куча дел и забот. Немного помешкав, она впервые после аварии садится в машину. И вовсе это не страшно. К тому же, в тот день за рулём была не она, поэтому нет в душе её дискомфорта. Даже наоборот: некое облегчение: села – и поехала. И мир не перевернулся, и сердце не остановилось, а продолжает танцевать под неслышимую музыку, выдаёт что-

то чёткое и правильное, красивое и эйфоричное. У Альды на губах улыбка. Альда... Ей нравится, как он её называет. Даже в этом Макс – оригинал.

Ей приходится звонить. Дверь в этот раз закрыта. Неужели испугался? Нет же, нет, быть того не может. Щелчок замка раздаётся ровно в ту секунду, когда она уже готова сдать и уйти.

Он стоит, опираясь на костыли. Смотрит на неё исподлобья. Как ей нравятся его насупленные брови. Эти тёмные глаза, что готовы прожечь в ней дыру. Этот нос с чуть заметным шрамом на переносице. Он чем-то смахивает на испанского гранда и корсара одновременно. Сейчас ему не хватает смуглоты, но эта бледность ненадолго – она уверена.

– Ну, раз пришла – заходи, – кивает небрежно и отходит в сторону. – Что это? – косится на супермаркетовские пакеты, которые она заносит вместе с собой. То ли она их, то ли пакеты её – не важно.

– Продукты.

Макс улыбается так искренне и широко, что у Альды сладко ёкает что-то внутри. Сердце сжимается в истоме, как экзальтированная барышня. Альда пугается. Нестерпимо хочется приложить руку к солнечному сплетению и сжать этот комок непонятной субстанции.

– Считаешь, я тут голодаю? – хмыкает он и, отобрав пакеты, ловко направляется в кухню. Она смотрит ему вслед. Сильный, мускулистый. Вон как легко прёт эти раздутые пакетищи да ещё с костылями.

Макс ставит добычу на стол и засовывает нос в каждый из пакетов. Иронично приподнимает бровь.

– Ах, да-да-да. Здоровое питание. Я ж тут совсем опустился, мышцы ослабли. Доходяга, короче. Дохлак-ляк-ляк.

Он и сердится, и иронизирует. Это хорошо. Сегодня он такой живчик. И музыка в сердце становится громче. Альда прислоняется к дверному косяку и жадно впитывает все его эмоции, смотрит, как меняется его лицо. На такое можно

смотреть бесконечно. Искренний и живой. Настоящий.

- Улыбаешься? – супит Макс брови, но глаза его выдают – светятся мягким светом.

- Да, – пока он не спросил, она и не замечала, что невольно поддалась на его свет, потянулась, вынырнула из своей холодности.

- А кашку варить мне будешь? – спрашивает Макс, потрясая пакетом с овсянкой.

- Вряд ли. Кашку лучше по утрам. Боюсь, не смогу каждый день вставать так рано.

- А зачем мелочиться? Переезжай. Будешь контролировать каждый мой вздох, следить, не напакостил ли я, как вредный кот, не пью ли по ночам. Боюсь, я сам не справлюсь. Мне нужен тотальный контроль. Бери бразды в свои руки, пока я с ума сошёл и предлагаю.

Он всё так же посмеивался, но глаза следили за Альдой пристально, ловили каждое её движение. Сейчас главное не сфальшивить и не влезть на столб под напряжением, чтобы не шарахнуло. Она понимала: он её испытывает.

Проверяет. Хочет понять, чего же на самом деле она желает больше всего.

- Я хочу, чтобы ты сам. Без давления. Прислушался к себе и понял, что хочешь перевернуть этот мир.

Альда пыталась подобрать правильные слова, а сердце почему-то рвалось из груди и мешало. Кажется, у неё даже румянец проступил – так она волновалась.

Макс насмешливо поднял брови, хмыкнул и взъерошил и так взлохмаченные волосы.

- И это говорит мне та, что дважды ввалилась в мой дом, нарушила порядок, диктовала условия. Дважды раздевалась догола и угрожала возвращаться вновь и вновь, пока я не передумаю.

– Иногда нужен толчок, – попыталась оправдаться. С ним никак не получалось быть ни твёрдой, ни холодной. Словно потеряла стержень и качается на ветру, как трава. Новое, непривычное ощущение.

– Нихерасе толчок. Да ты бульдозером разве что меня не переехала. Звезда балета. Из миномёта расстреляла. И пообещала шкуру спустить. Ты, считай, изнасиловала меня. Принудила.

Издевается. Ну, ладно.

– Заявление писать будешь? – склонила голову набок, внимательно всматриваясь в его лицо.

– Какое заявление? – на миг потерял он свой боевой сарказм.

– В суд. Про изнасилование там. Прочие вещи. А то я должна подготовиться. Учти: я никогда не сдаюсь и не проигрываю. Так что, боюсь, ты промахнулся.

– Смотри как заговорила! А то молчала всё. Я уж думал, у тебя с кукушкой проблемы. Подозревал, что ты из психушки сбежала.

Альда уходит глубоко в себя. Заныривает на несколько тягостных секунд. Макс чутко видит, как она меняется.

– Эй, ты чего?

Он порывисто вскакивает и хватает её за плечи. Встряхивает так, что мог бы вытрясти душу, если б она сейчас была на месте.

– Альда, Альда, я же пошутил, ну давай же, посмотри на меня. Ударь, если хочешь.

Он опять слишком близко. Стоит, прижав её телом к косяку. Так ему, наверное, удобнее стоять на одной ноге.

– Всё хорошо, – размыкает она онемевшие губы и пытается улыбнуться. Он не виноват. Он не знал. А то, что был жесток, – не специально же. Невыносимо

хочется притронуться к нему. И Альда не может удержать руки. Проводит пальцем по шрамику на переносице, убирает прядь со лба. У Макса взволнованные глаза. – Ты не бойся. У меня нормально с головой, правда.

– А справка есть? – пожирает он взглядом её губы.

– Боишься, что заразно? – усмехается в ответ. Шутить сейчас – лучшее лекарство.

– Боюсь. Я вообще тебя боюсь. Спать не могу. Ты приходишь ко мне в снах и толкаешь в пропасть.

А теперь не понять: серьёзно он или продолжает подтрунивать.

– Я толкаю тебя вперёд, глупый ослик, – упирается обеими ладонями в горячую грудь, и Макс наконец-то отстраняется.

– И у тебя есть план? Ну, не считая здорового питания, – косится на стол, заваленный продуктами.

– Есть, конечно. Реабилитационный центр для людей с ограниченными возможностями.

Макс кривится, словно лимон сжевал. Альду таким не разжалобить.

– А ещё нас ждёт Грэг, – добавляет и видит, как у Макса вспыхивают глаза. Надежда? Радость? Ожидание долгожданной встречи?

– Он точно нас примет? – уточняет он. И сейчас по его лицу ничего не прочесть.

– Точнее не бывает. Если я что-то делаю или говорю, значит стопроцентно уверена в своих словах и действиях. А что, есть какие-то проблемы?

Макс молчит, затем, решившись, встряхивает головой.

– В последний раз, когда мы виделись, я послал его к чёрту, и Грэг сказал, что больше видеть меня не желает. Что... я больше не его ученик, а безвольная тряпка. Слабак.

– Он был зол. Прости его.

– Я-то простил. А вот он... – Макс тяжело вздыхает.

– Он сразу же согласился. Как только я произнесла твоё имя. Так что не всё так плохо в Датском королевстве. Собирайся.

Альда отклеивается от косяка и отправляется в комнату. Макс смотрит ей вслед – она чувствует и старается, очень старается идти легко и непринуждённо. И ей это почти удаётся.

Глава 10

Макс

У неё лёгкая походка. Интересно, сколько ей пришлось тренироваться, чтобы скрывать хромоту? Не подволакивать ногу? Ведь если не присматриваться, то заметить, что с ней не так, почти невозможно. Сколько силы воли нужно иметь, чтобы встать на ноги, пережить трагедию и мечтать?

Ею можно восхищаться. Если бы она не раздражала своей непогрешимой уверенностью и рациональными поступками. Она, наверное, покупки делает по списку, а расходы заносит либо в тетрадь, либо по-современному – в компьютерную таблицу. Какой-то калькулятор у неё вместо мозгов. Слишком собранная, точно знающая, какой следующий шаг сделать. Это бесит. И притягивает. Он сам толком не мог разобраться, что чувствует, когда видит её тонкий профиль. Одно мог сказать с уверенностью: эта девушка цепляет, как крюк.

– Я даже фамилии твоей не знаю, – заявляет Макс, как только устраивается на переднем сидении её авто. Шикарная машина. Он когда-то тоже любил гонять. А

Альда, не изменяя своей холодности, ведёт аккуратно, педантично, останавливаясь на всех светофорах. – А то завезёшь меня куда-нибудь, не буду знать, на кого и жаловаться.

Альда смотрит на него искоса. В уголках губ таится усмешка. Сегодня она поживее будет, чем первые два раза. И это словно два разных человека. Отмороженное привидение и вот эта почти светлая девушка с туго затянутым пучком на затылке.

– Щепкина. Эсмеральда Щепкина. Вряд ли, конечно, ты слышал обо мне.

Она больше ничего не добавляет, но Макс понимает: не договаривает. Есть в её словах крохотное «но». Нужно расспросить Лизу – сестра фанатеет от танцев и любит балет. Возможно, слышала и об Эсмеральде Щепкиной.

Сегодня она не в своём дурацком свитере. Одета вполне прилично. Разве что широкая юбка скрывает ноги да свободный пиджак словно не с её плеча. Надо будет поговорить с Лизой. Пусть они поболтают как девочки между собой.

Макс ловит себя на мыслях, что планирует, думает наперёд. И уже впускает в свою жизнь странную Альду. Может, это и к лучшему. А там будет видно.

Они останавливаются возле реабилитационного центра, и Макс становится дурно. Хочется рвануть ворот рубашки. Так, чтобы вырвать пуговицу с мясом. Но на нём футболка и толстовка. Он бы малодушно сбежал, и лишь странная девушка, что сидит, положив худые руки на руль крест на крест, останавливает его панику.

– Послушай меня, – гипнотизирует она голосом. Тонкие пальцы ложатся на кисть. Тёплые пальцы с нежной кожей поглаживают успокаивающе. И то ли от этих мерных движений, то ли от тембра – спокойного и низкого, как гул больших барабанов, становится легче дышать. – Мы ненадолго. Никто не будет тебя рассматривать и мучить. Не сегодня. Всего лишь несколько вопросов и анкета. Нужно сделать этот шаг, понимаешь? Потом будет проще. Если захочешь, я всё время буду рядом.

– Захочу, – почему-то он решил ей довериться. Или вцепиться, как в якорь, который не даст пойти на дно. – Ты ведь это прошла? Выдержала?

– Мне было немного проще, – качает она головой. – Тяжелее было привыкнуть к мысли, что больше не смогу танцевать. Никогда не выйду на сцену.

– Не важно. Ты справилась?

– Да, – открыто Альда смотрит ему в глаза. Уверенность в её взгляде как укол, что вливается в вены надеждой и заставляет упрямо сжимать губы.

– Значит, справлюсь и я. Пошли.

Он больше не откладывает и не колеблется. Первым открывает дверцу машины. И радуется, что она не спешит ему на помощь, не мечется, как мать, не пытается подставить плечо, не путается под ногами, не жалеет. Оказывается, это очень важно. Жизненно необходимо – почувствовать пусть так, но почву под ногами. И поддержку на расстоянии.

Альда была права: никто его не покусал. И всё оказалось намного проще, чем он себе рисовал в больных фантазиях. И психолог оказалась женщиной с мудрыми глазами. А ещё он никак не мог понять, почему ничего не сделал раньше, сам. Наверное, до таких решений, как до некоторых книг, нужно дорасти. Созреть.

– Спасибо, – благодарит он Альду, когда она выруливает со стоянки. Он пока до конца не понимает, что чувствует. Усталость – однозначно. На такой крохотный шаг ушло слишком много сил.

– Пожалуйста, – принимает благодарность девушка с достоинством королевы. Не уверяет, что однажды он пришёл бы к такому решению сам. Не скромничает, что не за что благодарить. Это какая-то неведомая целостность. Монолитно-нерушимая, как высокая гора. И это опять выводит его из себя. Раздражает.

– Не могу сказать, что всё время буду таким послушным, – бурчит под нос. – Я не подарок.

– Я знаю, – снова эта уверенность. У Макса дискомфорт. Ощущение, что он для неё – открытая книга, из которой легко черпать информацию. А она – запертый наглухо сейф. Белое пятно на карте. Неизвестная земля. И ему нужно стать первооткрывателем, чтобы понять, что заставляет её цепляться за такое

ничтожество, как он.

– Почему я, Альда? – задаёт он вопрос, который мучает его с того самого дня, когда она ввалилась в его дом и заявила, что хочет с ним танцевать. – Ты же знаешь: я никогда не танцевал в паре. Ну, настолько, чтобы быть полноценным партнёром. Это было бы слишком смело и однозначно проблематично, когда я ещё на двух ногах передвигался. Или выбор пал на меня именно потому, что у нас... общая беда?

Страшился услышать её ответ. Холодный и правдивый. Да, чёрт побери, он вообще боялся, что «танцевать» для неё сейчас – это что-то такое вроде терапии, когда пытаются одни понятия заменить другими, убеждая себя в том, что суррогат – это равноценная замена, здоровая и полезная еда, как те пресные творожки да овощи, что она припёрла ему сегодня с утра.

– Беда здесь не при чём. И я уже отвечала тебе на этот вопрос. Только ты не слушал и не слышал меня. Но я повторяю, мне нетрудно на самом деле это сделать.

Альда на него не смотрит – она машину ведёт. Сосредоточенно и аккуратно. Может, поэтому фразы её звучат строже и холоднее, чем ему на самом деле хочется.

– Ты был прав, когда говорил, что я могу найти любого партнёра. Это не проблема на самом деле. Точнее, не такая уж, чтобы её нельзя было решить. В конце концов, никто не помешал бы мне танцевать соло. Но я не хочу выходить на сцену одна. После всего. И не хочу выходить с кем попало. Мне нужно только лучшее, что есть. На другое я не согласна. Ты – лучшее, Гордеев. Именно поэтому я выбрала тебя.

Он не знал, что ответить. Как-то... меркантильно всё это звучало. Словно она вышла и выбрала лучший кусок мяса в магазине. И чего-то в этой картине не хватало. Какого-то штришка, мелкой детальки – почти не приметной, но делающей очень важный и нужный акцент.

– И то, что я не партнёр, тебя не смущает?

– Нет, – не отрезала – отбрила. – Мы приехали, выходи.

Жёстко и по-деловому. Ей бы в армии молодёжь воспитывать. С хлыстом надсмотрщика стоять. Но додумать и пораздражаться как следует Макс не успеваает.

- Ну, здравствуй, Гордей, - слышит он до боли знакомый голос.

Всё те же рубленые черты. Белые волосы затянуты в низкий хвост. Широкие плечи, узкие бёдра - скроенный из мускулов и затаённой энергии, что никогда не иссякала в этом человеке. Грэг. Ничуть не изменился за те почти два года, что он его не видел.

Глава 11

Грэг

Григорий Афанасьев, а попросту Грэг, в свои тридцать с крохотным хвостиком лет познал, можно сказать, всё. Выпил чашу жизни почти до дна и с размаху грохнул ею об пол. Ему нравилось жить неистово, с риском и шиком. В свои тогда чуть за тридцать ему было чем гордиться и чего стыдиться.

Вечная карусель, праздник с разноцветными витражами: конкурсы, победы, кубки, награды, снова победы. Он стал основателем нового движения в городе. Позже - открыл школу танцев, слава о которой летела не только по стране, но и за её пределы.

С его именем связаны громкие победы и не менее оглушительные скандалы. В какой момент гордыня и непокорность, безбашенность заслонили всё? Грэг начал прикладываться к бутылке. Сначала понемногу для драйва и куража. Позже - всё чаще и чаще. Стал приходить нетрезвым в школу. Попал в эпицентр нескольких некрасивых историй.

С каким восторгом его хвалили раньше, называя гордостью нации, талантом и молодым гением, точно с таким нездоровым интересом смаковали его эпатажные выходки, рылись в грязном белье, напропалую сплетничали и плели заодно небылицы.

Испытание славой Грэг не прошёл. Зелёный змий затягивал удавку на шее всё туже, скандалов становилось больше. В какой-то момент он почти слетел с катушек: бросил школу и танцы, в пьяном угаре гонял по ночам на байке.

Друзья отвернулись. Подобострастные жополизы растворились в пространстве. Последней ушла жена, не выдержав его образа жизни и диких выходок. Ушла и забрала с собой дочь. Да и правильно: зачем чистому и светлому зайцу видеть, как катится в пропасть собственный отец?

Наверное, он однажды разбился бы. Свернул шею, замёрз в канаве как бездомный пёс, но Бог и ангел-хранитель берегли его.

Он бросил элитный район и огромную квартиру, что напоминала ему выстуженный холодом и пустотой склеп, и переселился к единственному другу, что остался ему верен: мощный байк служил исправно, молча, любил его таким, какой он есть. Без купюр.

В гараже пахло бензином, деревом и металлом. Здесь он спрятался от всего мира. В этом тихом месте в одиночку боролся с зависимостью и победил. Как всегда. Но больше ему не хотелось ни славы, ни света софитов. Хотелось побыть самим собой. В тишине. Разобраться с жизнью и приоритетами. Днём он спал и читал книги. Думал и возвращался к истокам собственной философии. А по ночам, иногда под утро, выходил танцевать. Тело требовало движения, а душа рвалась на части и просила: ещё! Давай ещё! Жги! Сжигай дотла, разводи костры до небес!

Подчиняясь поступательному ритму, музыке, что рвала барабанные перепонки изнутри, рыдала саксофоном, плакала скрипкой и рвала струны электрогитары.

И он жёг.

Таким его и застал однажды Гордей. Увидел и не смог пройти мимо, свернуть, сделать вид, что не заметил.

Грэг помнит его глаза. Помнит упрямо сведённые брови и по-детски пухлые губы.

- Научи меня, - не попросил, потребовал этот мальчишка.

- Отстань, я больше не учу, - Грэгу хотелось избавиться от настырного щенка и забыть эти сумрачные глаза, что смотрели на него выжидательно.

- Научи! - упорствовал, не знающий отказа и не умеющий отступить и проигрывать золотой мальчик.

- Тебе уже поздно, - смерил холодно нескладную фигуру. Руки слабоваты, колени разболтаны. Ещё не подросток, конечно, но близко, очень близко.

- Поздно - это когда на кладбище лежишь, - высказал ему одиннадцатилетний пацан. И Грэга почему-то проняло. И этот не по-детски взрослый взгляд, и эти очень взрослые слова.

Макс Гордеев был первым учеником, которого он взял в обучение после перерыва. Мальчишка стал единственной опорной точкой, что позволяла Грэгу удержаться на плаву, балансировать на грани и не падать. Грэг пришёл в себя и отдался делу, которое получалось у него лучше всего - учить. Это было единственное, к чему он чувствовал желание. Это то, что называют высоким, как небо, словом - призвание. И Грэг наконец-то дорос до него окончательно.

Всё, что накопилось внутри, он ввалил в этого упрямого мальчишку: опыт, силу, энергию, философию, страсть. И Макс не подкачал: ходил за ним хвостом, смотрел в рот, падал и вставал, набивал шишки, но продолжал упорно заниматься танцами.

- Что говорят твои родители? - спросил однажды Грэг у Макса, когда тот неизменно нарисовался на пороге его гаража вечером. - Не боятся ли они отпускать тебя к такому неприятному и непредсказуемому типу, как я? Или ты скрыл от них, обманул?

- Нет, - сверкнул глазищами этот чудо-ребёнок. - Я сказал правду.

- И как? - невесело усмехнулся Грэг, представляя, как всполошились родители, начали шерстить Интернет и приходиться в ужас от фактов его феерической биографии.

Макс пожевал нижнюю губу, встряхнул головой и выдал. Тоже правду:

– Мама расстроилась. Кричала. А папа сказал, что у человека должна быть цель. И что я должен сесть и хорошо подумать: хочу ли я к ней идти. И если хочу, то готов ли. Потому что Гордеевым не к лицу делать что-то плохо.

– Ну, и ты подумал? – косился Грэг на слишком серьёзное лицо Макса.

– Нет, – отрицательно покачал головой. – Нет, я не думал. Зачем? Я всё решил для себя ещё в тот самый день, когда увидел тебя на мосту. Я хочу танцевать как ты.

– Тогда открою тебе секрет, Гордей, – смежил веки Григорий Афанасьев, который в свои чуть за тридцать почти забыл, как его по-настоящему зовут. – Не надо танцевать как я. Ты должен танцевать только лучше и никак иначе. И только тогда ты дойдёшь до цели, к которой стремишься.

И Макс запомнил его слова. Запомнил и сделал всё, чтобы доказать: он лучший. Он не подведёт.

Природа одарила его красивым, сильным, гибким телом – благодатный материал, мечта для тех, кто захотел бы слепить из него что-то другое. Но мальчишка выбрал танцы, и Грэг это оценил. Точно так же, как и нечто более важное, чем хорошие физические данные. У Макса были и сила духа, и упрямство, и умение двигаться вперёд с азартом.

В нём горел огонь такой силы, что Грэг иногда побаивался пламени, что взвивалось до небес.

«Не сгори и не перегори», – нередко шептали его губы, когда он наблюдал за тем, как растёт и взрослеет его ученик.

Грэг никогда не поверил бы, что Макс способен сдать. Но время показало: и таких неистовых косит судьба.

Он винил себя, что не смог помочь, что не вовремя столкнулись их два сумасшедших характера. Но Грэг отступил, а гордыня не позволила переступить

через кинутое в сердцах слово. Поэтому он так обрадовался, когда пришла к нему эта тоненькая хрупкая девочка, которую он едва помнил.

– Привет, Грэг. Давно не виделись, – всё так же упрямо сверкают знакомые глаза.

А дальше... А дальше они вцепились друг в друга мёртвой хваткой. Макс – теряя костыли. Грэг – остатки самообладания. Они трясли друг друга, тискали в объятиях, пытаюсь вот так выразить чувства, что никуда не делись. Спрятались и ждали, когда кто-то из них сделает первый шаг.

Тоненькая хрупкая девочка стоит чуть в стороне. Эсмеральда Щепкина. Теперь он знает, кто она. Ему понравилась её смелость и решительность. Такая и жемчуг со дна моря достанет. И то, какие эмоции он видит сейчас на её лице, ему тоже нравится.

Глава 12

Макс

– Эсмеральда Щепкина? – округляет глаза сестра. Черт, Макс не думал, что эти имя и фамилия вызовут такую бурю и переполох. Честно говоря, даже не надеялся, что Лиза ему поможет.

Надо было не полениться, и самому поискать в Интернете. Но ему в голову не пришла мысль, что Альда может быть настолько знаменита. Судя по Лизкиному лицу – настолько. Или даже больше.

– Ты что, её знаешь? – теревит его сестра, пытаюсь выудить бессовестным образом информацию. – Ты с ней знаком? Иначе почему вдруг спрашиваешь? Тебя же никогда не интересовал балет!

Пулемёт, а не девушка, рта не даёт открыть.

– Что ты всполошилась так, будто перед тобой грузовик с пряниками опрокинулся? Она что, знаменитость? – равнодушия в голосе побольше. Иначе не переслушать Лизу до утра.

Лизхен на минуту затыкается. Трёт пальцами виски, бьёт себя раскрытой ладонью в лоб. Экспрессивная, зажигательная, как всегда. Темперамент достался им от матери – потомственной генеральской дочери в третьем поколении. И хоть внешне между Максом и Лизой сходство едва уловимо, их родство сразу же вычисляют по жестам и экспрессии.

– В общем, уже нет, – вздыхает сокрушённо, – а так-то да. Она была прима-балерина, Макс. Одна из лучших, талантливейшая, перспективная, мощная. А потом... несчастный случай. Почти в то же время, что и у тебя. И пропала. Столько сплетен ходило – у-у-у-у... Колись, Макс, что за интерес такой? Я ж не слезу!

Ему даже не нужно смотреть, чтобы видеть любопытную мордочку енотика и цепкие лапки, что готовы вцепиться в него мёртвой хваткой.

– Хочешь, познакомлю? – у Макса каменное безразличное лицо, но Лизу так и подбрасывает на месте.

– Ты! – больно тыкает она его пальцем в грудь. – Я, между прочим, на постановки с её участием ходила! А ты всегда пренебрежительно к классике! И ты её знаешь, а я нет?! Где в этом мире справедливость?

Патетически поднятые вверх руки, глаза – в потолок, скорбно опущенные уголки губ. И сейчас Лиза не играет, а по-настоящему обижена. Пытается лишь вот за этими резкими жестами спрятать, что её задела Максова новость.

– Она красивая, да? – мгновенно меняется, как вода в реке, настроение у Лизки. – Интересная, да? С ней небось нескучно? Что она любит? Что ей нравится? Какие книги читает? Пьёт кофе или чай?

Атака настолько неожиданная, что Макс теряется. Что он знает об Альде на самом деле, кроме того, что она холодная и целеустремлённая?

– Водку точно не пьёт, – крикает он и пытается уклониться от быстрых рук сестры: Лиза пихает его кулаками, куда попало. Шутливо, конечно, а он, оказывается, немного сноровку потерял – пропустил пару ударов. – Сказал же: познакомлю, зачем обязательно драться? Заодно и свои вопросы дурацкие задашь. Кофе там, чай, книги...

– Сегодня! Сейчас! Звони! – суёт она в руки телефон, и в глазах у неё столько азарта, что она может на одной ножке километр на спор проскакать, если её задеть.

– Сегодня уже нет, – прячет Макс телефон в карман.

Они недавно расстались с Альдой. Она подвезла его к родителям. Он уверил, что домой доберётся самостоятельно. О встрече не договаривались. Расстались как-то скромно и сухо. Он даже не додумался у неё номер телефона взять. А сейчас понимал: наверное, ему бы хотелось услышать её спокойный голос на ночь. В виде обезболивающего. Слишком уж резко всё изменилось, и пока Макс толком не знал, что делать с неожиданностями, свалившимися ему на голову.

– Я позвоню тебе. Познакомлю с прима-балериной. А теперь отвези меня домой, пока родители не вернулись.

– Может, хватит бегать от них, а? – прикрывает Лизхен левый глаз.

– Я не бегаю. Просто у меня день тяжёлый выдался. А мама... ну, ты знаешь.

Лиза знала. Поэтому, вздохнув, покрасила губы, пошуршала в сумочке, и кивнула на дверь.

Пока ехали в машине, Макс молчал, переваривая события сегодняшнего дня.

Не думал, что встреча с Грэгом так всколыхнёт. Привык думать, что они расстались и больше никогда не пересекутся. Ну, разве что случайно. А если учесть, что Макс почти не выходил из квартиры, то шансы на неожиданную встречу стремились к нулю. Но, как оказалось, невозможного нет. У Альды хорошо получалось решать вопросы любой сложности.

Грэг не стал вспоминать прошлое. Они вообще говорили только о настоящем.

– Придётся вначале восстановить физическую форму, – Грэг деловито ощупывал его фигуру и не только глазами. Макс знал: ослаб, почти не занимался, махнул на всё рукой. Но не так всё плохо. Возобновить занятия ничего не стоит. Его больше пугало то, что должно прийти потом. – Ежедневно я жду вас здесь. Посмотрим, на что вы способны.

И всё. Никаких лишних слов. Никаких уговоров или сомнений. Будто решённый вопрос. Макса тогда это разозлило страшно, но он стерпел, не стал ни язвить, ни спорить. Подумал лишь, что в любой момент пошлёт их подальше, если поймёт, что нет ни сил, ни желания.

А сейчас, когда он сидел рядом с Лизхен в машине, пришло ему другое озарение. Не надо ничего менять. Его несут спокойные, но почему-то надёжные воды реки по имени Альда. У него нет выбора. Его прижали к стенке. И лучше смотреть на всю историю именно в таком ракурсе. Нет выхода. Точка. Он либо делает так, либо погибнет. Плыть по течению – это тоже неплохо. Нет нужды бороться. Надо лишь дожидаться, куда вынесут тебя волны чужой реки.

– Ты чего-то не договариваешь, брат? – нарушает молчание Лиза. – Может, есть что-то, о чём мне следует знать?

Она временами настолько пронзительна, что хочется посмотреть и пощупать: не вырос ли у неё посреди лба третий глаз. Но пока чересчур рано о чём-то говорить.

– Всё нормально, Лиз, правда. И когда будет о чём, я обязательно тебе расскажу.

– Темнишь ты, Максик, – Лиза вздыхает совсем как мама. – Но то, что ты вылез за столько времени из своей берлоги, уже что-то значит. Мама порывалась к тебе приехать. Не гони её, а?.. Она любит тебя. Мы все тебя любим. И ей, наверное, тяжелее всех. Она до сих пор не смогла смириться, что так всё случилось.

– А я, значит, смирился? – вот одно слово – и теряется хрупкое равновесие. В груди лава кипит. Макс не переносил все эти разговоры.

– Разные взгляды на одно и то же, – бесстрашно возражает сестра. Вот уж у кого силу духа обухом не перешибить. – Ты сдался, ушёл в себя. Окружил себя болью, как трёхкилометровым забором. Прости – наплевал на всех и наши чувства. Тебе кажется, что никто не может почувствовать того, что и ты. Но это неправда.

– Она жалеет меня, а я не переношу, не переношу этого!

– Конечно, жалеет. Как можно не жалеть своего ребёнка? Помнишь, когда ты сломал руку, она вставала к тебе ночью, потому что ты стонал от боли? Гладила тебя по щеке, давала лекарства и водичку подносила? И тогда ты почему-то не возражал. Позволял ей утешить тебя. А сейчас только грубишь и терпишь. Она не враг.

Макс скрипнул зубами. Это не первый разговор, но именно сейчас сестра решилась на открытую конфронтацию. Хорошо, что они приехали. Ему и так на сегодня достаточно впечатлений. Постепенно. Пошагово. Иначе голову потерять можно.

Лизка из машины выходить не стала. Смотрела ему вслед, пока он не скрылся в подъезде. Она всегда приходила на помощь. Стоило ему только пальцами щёлкнуть. Но никогда не бегала сама. А ещё он вдруг понял: даже сестра не побуждала его делать хоть что-то. Посуду, например, помыть. Или полы. А он же может. Сам. Без неё. И вообще без кого-либо. И в магазин может. И какое-то время он пытался адаптироваться, пока его не накрыло полным тотальным безразличием.

Он лежал на диване. В тишине. Смотрел в потолок и ничего не видел. Фрагмент за фрагментом складывалась картинка жизни после трагедии. И не очень-то приятно Максиму было видеть себя в этих кадрах.

В какой-то момент он уснул. Отключился, как испорченное радио. А проснулся среди ночи от кошмара, всколыхнувшее тёмные воды его сознания.

Макс

Много лет назад

– Девчонка! Девчонка! – кажется, это противное слово скандирует весь класс. Хуже всего – девочки тоже. Но самое главное позорище – позже, когда мать пришла выяснять отношения к учительнице.

– Он самый маленький и слабый в классе, – пожала плечами тогда Майя Сергеевна – стокилограммовая слониха, прямолинейная, но добрая. – К тому же внешность у него... сами понимаете.

– Не понимаю, – маминым лицом в тот момент можно было гвозди забивать. – Что не так с его внешностью?

– Слишком уж он у вас хорошенький, – вздыхала Майя Сергеевна, – иногда это умиляет, а иногда – вот, как в нашем случае. Такие моменты не угадать. К тому же, характер. Обидчивый. Драчливый. За словом в карман не лезет. Я понимаю, мальчик защищается, как может, но пока он проигрывает толпе. У него есть сила духа, но физические данные, увы.

В тот день мать отвела его в секцию новомодного тайского бокса. Тренер им отказал. Но мать умела быть настойчивой.

– Ты должен научиться защищаться. Всё остальное – ерунда! – заявила она, приглаживая непокорные чёрные вихры у него на макушке.

И он научился. Правда, в первой же серьёзной драке ему сломали нос, но зато с тех пор он точно знал, что никто не посмеет безнаказанно его третировать.

Секцию он забросил после двух лет мучений.

– Есть данные, нет желания, – заявил тренер обеспокоенной матери. – Не его это.

И мать сдалась. Попыталась водить его в разные школы и кружки, другие секции, но Макс равнодушно воспринял её попытки «определить» хоть куда-нибудь,

чтобы мальчик был «как все».

Макс сам определился. Но его увлечение вызывало больше беспокойства, чем радости. Может, из-за Грэга. Но другого учителя Макс не желал.

– Танец – это не просто владение телом и умение принимать нужные позы, вовремя выполнять необходимые па, – голос Грэга гулко звучит в пустом зале, дробится эхом, отталкиваясь от стен. Он умеет говорить так, что достаёт до сердца и уходит глубже, как тонкое шило, чтобы навсегда застрять там и напоминать о себе.

– Танец – это страсть, движение души, биение сердца. Танец – это любовь. Прислушайся к себе, лови биоритмы, пусть музыка прорастает изнутри, раскидывает ветви, щекочет листьями.

Не думай о движениях – это всего лишь техника, механическая работа. Это всё равно что прийти в спортзал и научиться правильно отжиматься, дышать или группироваться. Это труд, мастерство – не спорю. Но танцору этого мало – правильно и чисто выполнять па, ставить ноги в нужную позицию, красиво пользоваться руками.

Каждое движение – акт любви. Если хочешь – секс, но не механический звериный инстинкт ради собственного удовлетворения, а для интимного, сокровенного соединения, когда отдаёшь больше, чем берёшь. Когда даришь себя любимому человеку и растворяешься в его глазах.

Покажи, как ты умеешь любить! Искренне, без лжи и фальши! Со всем накалом, на который только способен!

Грэг разговаривает с ним, как со взрослым. Что он тогда знал о любви, незрелый мальчишка, даже ещё не подросток? Как можно понять то, что недоступно ещё в силу возраста? Но слова вбивались в голову и оседали где-то там, давая толчок для понимания танца изнутри.

Макс закрывает глаза и пытается двигаться наугад. Прислушивается к мышцам и музыке. Разгорячённое тело послушно, как пластилин. Он лепит из него, что

хочет. И, кажется, у него получается! Раскованно, дерзко, без остановок и запинок!

- Нет же, нет! - кричит Грэгор и досадливо хлопает в ладоши.

Макс сразу сбивается с ритма, неловко цепляет ногой ногу и, не удержавшись, падает.

- Это не любовь, не страсть, разделённая на двоих! Не пламя из сердца и не брызги слёз из глаз! Это, милый мой, самолюбование, онанизм, если ты хочешь знать! Ты сейчас самозабвенно дронишь! - уничтожает его словами Грэг. Безжалостный, бескомпромиссный, не делающий никаких скидок на его неопытность. - Ещё раз!

Ещё и ещё. Бесконечное число раз. Грэг багровеет лицом, глаза нехорошо блестят, рот искривлен то недовольно, то саркастически.

- Представь, что нечем дышать! Совсем, напрочь! Вакуум! И кислород можешь получить, только танцуя! Стоп! Это предсмертная агония, а не любовь.

Грэг смахивает с высокого лба капли пота, заправляет за ухо белую прядь. Он слегка охрип. На лице - усталость.

Макс сидит на полу без сил, с волос капает. Тело скользкое и мокрое. Из глаз тоже готова брызнуть влага, хотя, видит Бог, лишней воды в организме не осталось. Но он только упрямо кусает губы.

- Ничего. В следующий раз получится, - приободряет Грэг неожиданно. - Больше слушай себя. Живи эмоциями - это сейчас важнее.

Знал бы тогда Макс на что подписывается, остановился бы на мосту, напросился бы учеником к этому беловолосому дьяволу с сильными ногами и чертовски гибкой пластикой?

Остановился бы. Потому что выбор делается осознанно, а если сделан - значит нужно побеждать, преодолевая себя.

Он учился в элитной школе. Английский, немецкий, французский. Что не давалось – догонялось с репетиторами. Мать коршуном следила, чтобы у её детей было всё самое лучшее. У них с сестрой разница в три года. Но поблажек нет ни для кого.

Обычно мальчики его круга занимались единоборствами, боксом, волейболом, теннисом, фехтованием, конным спортом. Танцами – почти никогда. Танцы – это для девчонок. А если уж появлялись таланты, то никак не в почти двенадцать лет. Поздно. Но Грэг рискнул, и Макс решил не подвести.

– Нам повезло, – сказал Грэг на одном из первых занятий. – Невероятно повезло. Ты гибкий, сильный, упрямый и азартный. Отличное сочетание. Остальное попробуем нарастить.

Макс ничего не делал наполовину. Танцы поглотили его с головой.

– Может, мы зря разрешили? – тревожилась мать.

– Это его выбор. Ему нравится, – возражал отец. – Не вмешивайся. Дай возможность гореть. Это больше чем увлечение.

Отец знал, о чём говорил. Он всего достиг сам. Поднялся с низов и не стал в своё время пользоваться ни деньгами, ни подачками тестя-генерала. Разве что немного связями, да и то на этом настояла мать.

Макс убегал после уроков в заброшенный парк. Оставался один на один с природой. Там его никто не видел, а поэтому он танцевал, пытаясь слиться с запахом трав и пыли, гомоном птиц и небом, где плыли облака, похожие то на диковинных зверушек, то на морские корабли.

Внутри рождались ритм и музыка. Чувства становились острыми, как яркий свет, как летящая стрела, что поёт опереньем и пружинит, обнимаясь с воздухом.

– Чувства! Экспрессия! Любовь! Покажи свои эмоции жестами, глазами, губами, мимикой. Вырази телом! У тела тоже есть язык! Говори им! – требовал Грэг.

Это было сложнее всего. Легче двигаться, учить движения, но Грэг с техникой не спешил. Заставлял вновь и вновь чувствовать, проживать каждым мускулом, нервом музыку и ритм.

Постепенно выравнивалась кривая и у ученика, и у учителя.

Грэг вернулся в студию и даже снял квартиру. Стал спокойнее и уравновешеннее, хотя по ночам продолжал гонять на байке, отдавая ветру только одному ему известные проблемы.

Макс научился понимать этого человека с полувзгляда. Всё те же жесты и эмоции, как в танце, что говорили порой громче слов.

В четырнадцать он вырвал первую победу. Всего лишь городской турнир, но Макс до сих пор помнил вкус того триумфа. Он защищал не только честь школы, но и доброе имя Григория Афанасьева, который к тому времени стал для него больше чем учителем – другом. И ничего, что Грэг годился ему в отцы.

А потом покатило: конкурсы, премии, поездки, победы, призовые места. Это немного кружило голову, но рядом всегда находился Грэг, что не давал спуску и вовремя опускал с небес на землю.

А в шестнадцать Макс влюбился – по сумасшедшему, неистово, теряя тормоза. Голубоглазое неземное создание – загадочная фея, случайно попавшая в наш мир из сказки. Такой ему виделась Инга – его любовь, его проклятье.

Глава 14

Макс

Семь лет назад

Они встретились случайно на пороге школы – столкнулись у двери, как две молекулы в хаотичном движении. Девушка прошла мимо, а Макс застрял прямо там, не смог с места сдвинуться.

Тогда он понял, что такое «молнией поражённый». Это когда, кажется, что ослепило, и на миг ты утратил связь с миром: не слышишь, не видишь, не осязаешь, только чувствуешь огромное сердце в груди, что выбивает рваный ритм: тудух-тудух, тудух-тудух.

Тогда он понял, что такое любовь с первого взгляда. Да и вообще – любовь. До этого он любил и понимал это чувство только в танце. Огромное, как Вселенная, горячее, как солнце.

Ему и до этого нравились девчонки. Но что это «нравилось» по сравнению с вот этим, просто необъятным и безразмерным чувством? Так, симпатия, первые поцелуи и обжимания по углам – волнение плоти, но никак не души. Видимо, Грэг говорил именно об этом. О том, что мимо настоящего ты никогда не пройдёшь мимо. Ощутишь его хоть с закрытыми глазами, хоть лишившись всех сразу всех чувств.

– Эй, ты что такой задумчивый? – толчок в плечо. Одноклассник Серёга приветливо улыбается, подмигивая. – Видел? Новенькая. Из параллельного класса.

Серёга знал всё, что творилось в стенах школы и за её пределами. Откуда он черпал информацию, оставалось тайной за семью печатями, но если хотелось узнать самые главные новости и сплетни – это к Серёге.

– Кто такая? – Макс даже не стал делать вид, что ему безразлично.

– Что, понравилась? – Серёга всё так же многозначительно подмигивал и цокал языком, выражая степень своего восхищения. Макс еле удержался, чтобы не двинуть кулаком ему в рожу. – Инга Калиновская. Переехали в наш город. Элитная девочка. Интеллигентная семья по линии матери. Как у тебя. По линии отца... эээ... ну, в общем, бабло там водится в немереных количествах. Крутой папашка, приехал бизнес серьёзный поднимать.

Серёга в своём репертуаре: снобизм из всех щелей. Он благородный во всех поколениях, и поэтому без конца расставлял на происхождении акценты и заодно не забывал пнуть тех, кто, по его мнению, обладал «нечистой» кровью и стоял по социальной лестнице ниже его, всего такого уникального.

Однокашник ещё о чём-то разглагольствовал, но Макс его не слышал. Инга – звучало как музыка. Инга – пело в груди, и становилось жарко.

Он не искал встреч – был убеждён: она предназначена ему судьбой, а значит они обязательно пересекутся. Так и случилось. В течение недели.

Сейчас Макс не видел в этом перста судьбы. Закономерность. Слишком плотно они общались внутри своего круга. И их следующая встреча – всего лишь логичное стечение обстоятельств.

В доме того же Серёги они собрались в пятницу. Вечеринка в честь начала учебного года. Стандартно. Банально. Скучно. Если бы не одно «но»: Инга тоже пришла, и всё остальное стало неважно.

Макс ощущал мир, будто сквозь толстый слой ваты. Где-то гремела музыка, кто-то кричал и танцевал, обливался шампанским и пил пиво прямо из бутылок. Чьи-то пальцы хватали бутерброды, куски пиццы, креветки и солёные орешки, но всё это происходило, словно за гранью. Будто на экране огромного телевизора: бормочет что-то в стороне, служит фоном для одного яркого, прорисованного во времени и пространстве места. Там, где сидела она. Немного отстранённая. Вежливо-прекрасная.

Инга не пила, не танцевала, не жевала. Она сидела в кресле как английская королева: спина прямая, руки на подлокотниках, красивые коленки плотно прижаты друг к другу. На всех девчонках демократическая одежда: легкие кофточки и короткие юбочки или джинсы с топиками. И только Инга сидела в классическом строгом платье до колен.

Макс пристроился рядом. Опёрся бедром о высокий подлокотник. Отличное место. В самом углу, и можно сделать вид, что всё остальное не существует.

– Говорят, ты танцуешь, – посмотрела вдруг Инга на него снизу вверх. И его затопило радостью. Он бы смотрел и смотрел в её голубые глаза. Любовался бы родинкой на изгибе шеи, тонкими ключицами, что выпирали почти эротично, вызывая желание встать на колени и прикоснуться к ним губами.

– Н-ну-у, – протянул он и тряхнул головой, прогоняя внезапно подступившую робость. – Танцую, да. Но не для того, чтобы поразить местную публику.

– Я несколько лет занималась бальными танцами. Люблю ощущать уверенного партнёра рядом.

Инга улыбалась. Призывно. И у Макса всё обмирало внутри. Он бы сейчас любой подвиг совершил по щелчку её пальчиков. Ему нравилось, как она дышит. Как шевелится в такт её дыханию цепочка на шее, как тяжело льнёт к коже круглый медальон с вензелем буквы «И» внутри.

– Станцуем? – неожиданно выдохнула она. Низко, с хрипотцой, с вызовом. – Так хочется подвигаться, но по-настоящему, не дёргаться как попало.

– Я не танцую в паре, – впервые Макс жалел, что это так.

– Ерунда, – отрезала Инга, протягивая ему руку. – Я поведу. И у тебя всё получится.

Он до сих пор помнит тот яркий, оглушающий миг, когда они вышли на середину комнаты. Ладонь в ладони. Затем – её дыхание где-то в области его шеи. Холмики груди, мазнувшие по его футболке. И он подчинился, доверился ей. Это было здорово – чувствовать её уверенное гибкое тело рядом. В нём чувствовалась сила и энергия.

Узкая юбка с разрезом до самых упругих ягодиц не сковывала движения. И Макс чувствовал, как легко двигаются её ноги, как откровенно скользят её икры по его – напряжённому и остро чувствительному. Если бы кто сказал, что ноги не очень эрогенная зона, Макс бы поспорил и выиграл.

Кажется, ими восхищались. Кричали что-то бурно и хлопали по спине и плечам. Макс запомнил всё, что было после, как пёстрое пятно – ничего не значащий фон. Для него существовала только Инга – тоненькая, изящная, с осиной талией в его больших ладонях. И глаза. Голубые, мерцающие. И губы тонкие, слегка капризные. Хотелось попробовать их на вкус. Вот прямо сейчас, на глаза у всех. Но он пересилил себя. За что и был вознаграждён.

Они удрали с вечеринки через полчаса. Всё так же держась за руки. Шли по вечернему городу и молчали. И не было ничего тягостного в этом молчании: Макс казалось, с ними говорит мир. Шепчет что-то на своём языке, который

вроде и понятен, и одновременно чужой. Он держал пальчики Инги в руке, и только это не позволяло ему утратить связь с реальностью.

– Поцелуй меня, Гордеев, – приказала его фея, как только он замер в нерешительности, проводив её до двери квартиры.

И он поцеловал. Не сомневаясь больше и не колеблясь. Взяв лицо её в ладони. Впечатав тело её в стену. Целовал крепко и безотрывно. Тёрся возбуждённой плотью о классическое платье и хотел большего. В глазах темнело. Дыхание сбивалось. А вкус Ингиных губ пьянил до головокружения. Если бы он не вжимался в неё, наверное, упал бы позорно.

Она прервала поцелуй. Провела пальчиком по его щеке. Облизнула губы и, словно что-то решив, кивнула.

– До встречи, Макс.

И, скользнув всем телом по нему – провокационно и дразняще, скрылась за дверь.

Что он чувствовал тогда? Счастье? Эйфорию? Радость? Однозначно мир стал ярче, налился красками, как плоды – соком. А внутри жила буря – со шквальным ветром, со свистом, с бурлящими клубами, пронизанными молниями и озоном. Хотелось петь и танцевать. Выплёскивать энергию – избыточную, шальную, разноцветную.

И он танцевал. На проспекте и на мосту. Обнимаясь с фонарными столбами и стволами деревьев. Никто и ничто не могли сбить его с бешеного рваного ритма, в унисон которому билось его влюблённое сердце.

Глава 15

Альда

– Как думаешь, у нас получится?

Вот уж она не могла предположить, что Грэг, взрослый и умудрённый, опытный и жёсткий, будет сомневаться. У него, наверное, уже седина есть. Ему, кажется, сорок три. Но белые, как у ведьмака Геральта, волосы скрывали всё. Или... это всё же такая белоснежная седина?..

– Всё получится, даю слово, – Альда никогда не разбрасывалась пустыми обещаниями, но сейчас чувствовала подъём. Сердце её билось уверенно и спокойно, а значит она обязательно дойдёт до цели. И Макс. Конечно же, Макс тоже. Без него она не стала бы ничего затевать. Отступила бы. На время. Но времени не понадобилось, и Альде казалось: это знак, хорошее начало.

В эту ночь она уснула легко. Не прислушивалась к тишине, не страшилась дурных снов. Не боялась засыпать. Ей чудилось, что над головой растянулась тонкая светящаяся сетка, сотканная из крошечных лунных светлячков. Альда уснула и проснулась с улыбкой на губах. Как, оказывается, это просто...

К Максусу она заявила с утра пораньше.

– Я думал, ты пошутила, – сладко зевает он, потягиваясь прямо у порога. Взъерошенный, домашний, с голым торсом.

– Я никогда не шучу, – ей хватает сил не улыбаться, но приходится хмурить брови и губы бантиком складывать. – Ты – в душ, я – на кухню. Чай заварю.

– А завтрак? – Макс пытается изобразить разочарование, но глаза сверкают недобро, и она понимает: сейчас будет битва.

– Завтрак после тренировки. Если заслужишь.

– Я тебе что, цирковое животное? – огрызается он, распрямляя плечи. – Ты что раскомандовалась?

Альда легко поводит бровями и замирает. Если ему надо, пусть выговорится. Выплеснет на неё раздражение. Она потерпит. Наверное, он что-то такое видит в её глазах, бьёт раскрытой ладонью в дверной косяк и скрывается в ванной. Вот и славно.

А затем они пьют чай. Сидят за одним столом. И Альду накрывает. Как-то чересчур уютно ей, хорошо. Словно они супруги, что живут бок о бок долгие годы. И эта чашка с еле заметной трещинкой внутри кажется ей знакомой. И Макс с мокрыми волосами. От него пахнет гелем для душа и кремом после бритья.

Хочется притронуться к его щеке ладонью. Попробовать, такая ли она гладкая, как кажется. И ощутить губы его на запястье.

От этих мыслей хочется плотнее сдвинуть ноги, потому что непривычно пульсирует внизу живота. И соски твердеют болезненно, словно им холодно, очень холодно.

– Эй, ты не сердишься? – его прикосновение к пальцам как ожог. Альда вздрагивает и проливает чай. Как хорошо, что он уже не горячий.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Терпсихора (Terpsicora) – муза танца и хорового пения.

2

Марс – бог войны

3

Аполлон – покровитель искусств, в частности – художников.

Купить: https://tellnovel.com/ru/eva-noch-_nikogda-ne-predavay-mechtu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)